

18+

ЧАСОВЩИК

Марк Полещук

Екраністай

18+

Марк Полещук

Часовщик. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100612

ISBN 9785005175700

Аннотация

«Часовщик» – первый сборник рассказов писателя Марка Полещука. Автор размышляет на темы любви, времени и предопределённости судьбы. Можно ли, зная будущее, избежать своей участи? Защититься от происков чудовищных созданий? Совладать с самим временем? Приключения и происшествия, случаи и случайности густой кровью наполняют эти истории, в каждой из которых человеческое встречается с неведомым.

Содержание

АСТЕРОИД Б-613	5
ДИЛЕТАНТ	26
САШЕНЬКА	60
ЛУЧШИЙ РАБОТНИК	71
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Часовщик

Сборник рассказов

Марк Полещук

Дизайнер обложки Александра Карелина

© Марк Полещук, 2020

© Александра Карелина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7570-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АСТЕРОИД Б-613

Мне холодно. Не могу уснуть.

Годы, проведённые в палатках или белёных неприметных комнатах, сделали из меня выносливого человека, но иногда случаются ночи, когда, даже плотно сомкнув глаза, я не могу отвлечься от внешнего мира.

Поворачиваюсь на бок. Пружины тихо скрипят под грузным телом. Проблема небольшая, если только ты не пилот самолёта с издевательски узкой кабиной. Каждый раз я втискиваюсь на своё место, словно жирная крыса в тонкие стальные перекрытия, и мне кажется, что вокруг раздаются смешки. Точнее, должны, но никто не смеётся, и оттого страшнее всего. Они списали меня в запас. Наверняка готовят какую-нибудь каверзу, чтобы окончательно отобрать и мой «Лайтнинг», и моё право служить своей стране.

«Обидно», – проносится мысль. Она мечется в черепной коробке, словно закинутый в рулетку шарик. Не важно, выпадет чёрное или красное, – всё едино. И даже пальцы, привыкшие тасовать колоду, не спасут.

Покалывает левую руку. Последнее время она плохо слушается, лётный комбинезон приходится надевать с чужой помощью. Хорошо, что остались ещё друзья. Те, что посмеиваются надо мной, а не только беспокоятся. Да, мне сорок три года, но я крепок! Ещё крепок!

Бред. Уснуть не удаётся, ранним утром вылет, может быть, крайний вылет, а я словно острый рыболовный крючок всаживаю себе в щёку и тяну, тяну со всей силы. Ради чего? Чтобы измотаться и провалиться завтра? Отличный план.

За маетой проходит час или, быть может, два. Я думаю о Консуэло, моей милой Консуэло, такой нежной и сложной. Чем она сейчас занята? Алжирская ночь бархатом укрыла дома, Консуэло распахивает окна и ложится в постель. Смотрит ли в небо, смутно надеясь увидеть мой самолёт, или тут же закрывает глаза и укрывается простынёй с головой? Я хочу, чтобы у неё всё было хорошо, и знаю, что, по крайней мере, одну вещь могу для неё сделать.

Но как бросить небо? Как отказаться от скрипа кожаной куртки, мерного тархтения мотора, щелчков камеры, запахов масла, резины, воздушной смеси? От упругих потоков ветра, которые ловишь крыльями – продолжением собственных рук? К тому же я никогда не сражался, но добыча разведанных – дело ничуть не менее опасное, чем воздушный бой.

В моих ушах до сих пор грохочут зенитки, и чёрные кляксы от взрывов расползаются по девственно-чистому листу неба. Страшно услышать нечеловеческий, ритмичный звук. Устройство войны вообще мало подходит человеку. Она – грохочущее чудовище, которое ждёт до поры до времени, а затем отмывает себя кровью до блеска. Нашей с вами кровью.

В казарме, помимо меня, ещё двое – Гюстав и Джек. Пер-

вый – из крошечной деревушки под Лиможем, второй – из Канзаса. Нас объединяет не только работа, но и братство, что возникает между людьми, которые рискуют жизнью не ради наживы, а следуя долгу. Гюстав мирно похрапывает, мне доводилось слышать и более раскатистые ночные рулады. Джек спит на боку, поджав колени к животу, очень-очень тихо. Не знаю, откуда у него эта привычка.

За окном начало светать, а я так и не сомкнул глаз. Одиночный вылет, разведка над Провансом, район Гренобль – Шамбери – Анси. Почти родные места. Британцы вместе с американцами закрепились в Нормандии, выдвинулись на Париж.

«Неужели скоро этот ужас закончится? – думаю я. – Как хочется, чтобы поскорее. Иногда кажется, что я таю, как свеча в струе кислорода».

Победа. Как же сладко звучит слово «победа». И свобода. И конец постоянным сводкам о погибших и взятых в плен, замученных, расстрелянных, истерзанных бомбами и укусами хищных пуль.

«Разве бывают не хищные пули?»

На часах почти шесть. Медленно встаю, чтобы не разбудить сослуживцев, беру банные принадлежности, иду мыться. Вода в раковине ледяная. Смотрю в зеркало.

Человеку даётся одно лицо на всю жизнь. Его можно испещрить шрамами, можно искривить нос ударом кулака или неловким столкновением с дверным косяком, но большее

нам не доступно. Глупо не любить своё лицо, потому что другого у тебя никогда не будет. Меня не считают красавцем, даже я сам так не думаю, но какое-то очарование в нём всё же есть. Может быть, это из-за носа? Или округлых бровей? Залысины, как у отца.

Наскоро расправляюсь с зубами, бреюсь. Надо бы что-то перекусить, но есть совсем не хочется. Желудок сделался жёстким и шершавым, такое не редкость перед вылетом. Чашка кофе и сигарета – не самый лучший завтрак. Через силу я отправляю насупленному животу крошечную булочку с маслом. Он раздражённо урчит в ответ.

– Готовы?

– Конечно.

Брифинг, подпись в журнале полётов. Выхожу на лётное поле и неторопливо иду к «Лайтнингу». Его уже подготовили, он стоит под хмурым корсиканским небом на взлётной полосе, призывно и горделиво задрал нос.

«Знаю-знаю, старина. Тише. Я тоже жду не дождусь», – мысленно остужаю его, чтобы не перегрелся раньше времени. Опасный, порывистый механизм, но невыносимо прекрасный в небе, среди облаков и пылающих лучей равнодушного солнца.

Залезть помогает механик. Как обычно, тяжело втискиваюсь в кабину, и даже когда ноги занимают положенное место, кажется, что я – слишком крупный слон для этой посудной лавки.

– Спасибо.

Механик кивает и ловко спрыгивает вниз. Спокойно, проверяя прибор за прибором, я облачаюсь в лётные очки и шлем, закрепляю на двух пристяжных крючках дыхательную маску. Машина исправна. Она рвётся в небо. Но мне нужно дождаться сигнала ко взлёту.

Вот и он.

>>>

Внутри самолёта я кажусь себе молнией. Неуправляемой энергией, плотной настолько, что её можно увидеть невооружённым глазом. «Лайтнинг» слушается меня, словно покорный ребёнок любимого отца, и я правлю им с холодной расчётливостью и неизбывным огнём в глазах. Небо приближается быстро. Оно захватывает, слепит. Накидывается тигром, акулой, кондором. Небо пикирует на меня, или я пикирую на него?

Выход на большую высоту. Максимальные девять тысяч метров. Дыхательная смесь отдаёт резиной – это из-за новых трубок. Скоро пройдёт.

Топлива хватит на шесть часов. Задание можно выполнить за четыре. Оставшиеся два можно использовать, чтобы задержаться среди птиц. Воздухоплавающие – непререкаемые повелители неба – ныне сброшены с Олимпа человеком, для которого вскоре не останется преград.

«Даже убийство миллионов себе подобных – не предел».

В последнее время меня одолевают тревожные мысли. Не знаю, может быть, где-то внутри я считал, что моя работа сможет изменить мир? Сделает его добрее и научит людей ценить не только своё животное естество, но и тех, кто рядом; тех, кто нуждается в помощи? Не вышло.

Эта война, и те, я уверен, кто последует за ней в будущем, докажут мою несостоятельность. Хотя, может быть, это несостоятельность искусства целиком: неспособного ничего поменять и никого спасти.

«Задание», – напоминаю я себе и гоню мысли прочь. Полёт до Прованса займёт не больше полутора часов, а там – немецкие самолёты, зенитки и родина под пятой захватчика.

«Отбирать у людей землю и дом, превращать их в рабов, убивать их – и всё ради глупой идеи превосходства. До чего страшно».

Будто бы в противовес земной скорбной юдоли, небеса безмятежны и спокойны. Самая страшная гроза здесь едва ли сравнится с залпом артиллерии, со взрывом гранат и рычанием танков, с криками боли умирающих.

«Люди поднялись в воздух, и теперь взрывы и стрёкот пулемёта можно услышать даже в небе. Мы уродуем всё, чего касаемся».

Показался далёкий родной берег. Я тяжело вздохнул, взялся покрепче за штурвал и начал медленно снижаться.

>>>

Три часа я плясал в небе над Провансом.

Зайти удалось незамеченным, достаточно было снизиться и не дать себя обнаружить. Хороший знак, но это не значит, что через десять или двадцать минут на охоту не бросятся «Фокке-Вульф», или пространство не заполнит чернильный кашель зенитных башен.

Мне страшно, но вместе с тем я чувствую, что зрение становится острее, дыхание выравнивается. Уверенный стук сердца заглушает рёв мотора, и я поднимаюсь выше, чтобы сделать первый снимок.

Гренобль выглядит мирным и спящим. Раннее утро. С такой высоты я не вижу ни чёрных военных шеренг, ни уродливых квадратов танков. Жителей, впрочем, тоже. Командование интересуется численность врага и расположение укреплений. Вот я спускаюсь ниже, в глаза бросается несколько сожженных огнём зданий. Миг, и это зрелище исчезает навсегда.

Немецкие войска в городе. Под технику отвели большое поле, некогда, наверное, засеянное пшеницей. Щелчок камеры. Ещё один. Я чувствую их внутренностями, словно раскалённая игла касается изнанки сердца. Несколько чёрных точек, стоящих по периметру поля, начинают двигаться. Заметили. Рано или поздно всегда замечают.

Начинается чехарда. Игра не на жизнь. Одиночка против

десятка вод. Я недостижим для большинства из них, а они все как на ладони. Набираю высоту, ложусь на курс к Шамбери. Нужно торопиться. «Лайтнинг» – манёвренная машина, юркая. Не зря её так прозвали. Выжимаю из мотора максимум; стрелки на приборах приближаются к красной зоне, но пока что не пересекают границу, за которой опасность вырастет многократно.

Перед внутренним взором появляются картины: солдаты, увидевшие вражеский самолёт, докладывают старшим по званию. Дешеша стремительно отправляются в оперативный штаб, откуда в течение минуты-двух приходит ответ. Протяжный сигнал тревоги сотрясает окрестности баз и орудий; люди занимают положенные места. Мне кажется, я даже могу представить, как они выглядят. В серой форме, измученные напряжением войны, с тёмными кругами под глазами, такими же, как и у меня, оторванные от утренних процедур и простых дел, из которых состоит жизнь. Сейчас им предстоит убить человека, одного единственного человека, который не пытается убить их. Это не защита в прямом смысле слова. Но ведь я – разведчик; информация, полученная мной, склонит чашу весов и поможет сохранить жизнь англичанам, французам, американцам ценой жизни немцев.

Если взглянуть здраво, в любом случае люди погибнут. Этого мне не изменить.

В Шамбери меня ждут. Первые залпы зенитных орудий вибрацией проходят по корпусу самолёта. Руки тянут за ры-

чаги, вызывая к жизни манёвры, вписанные в подкорку мозга бесконечными тренировками. Я скольжу меж облаков, чтобы выбрать безопасную траекторию захода на цель. Мне доводилось служить на бомбардировщике, и неповоротливость несущих смерть машин доставляла мне физическую боль.

Рация, выключенная, чтобы не выдать меня раньше времени, слегка похрипывает, улавливая чужие сигналы. Резкое снижение привычно взбалтывает органы. Камера снимает аккуратные вражеские позиции; чуть позже на этих снимках смогут разобрать состав и намерения войск. Я понимаю, что долго мне здесь не продержаться, но чутьё говорит, что кадры вышли плохими. Нужен ещё один заход. Будто чёрные осьминоги выныривают из небытия вокруг, пока я поднимаюсь на недостижимую для орудий высоту. Пока работают только два, но, если подключится ещё хотя бы одно, придётся забыть о втором заходе.

Голова чиста, в ней ни единой мысли, все моё существо сконцентрировано на задаче. Решаю не делать второй заход, долететь до Анси, сделать снимки там и вернуться позже. Можно спрятаться за облаками.

«Выполнять!»

«Лайтнинг» доставляет меня и камеру в Анси за каких-то полчаса. Короткая игра в кошки-мышки, тяжеловесные воздушные удары. Скрип металла, но я точно знаю, что самолёт выдержит. Его предназначение – сражение, и скрип – всего лишь жалостливый стон машины. На самолёты-разведчики

не устанавливают орудия. Мой «Лайтнинг» не может ответить врагу.

«Уймись. Осталось немного».

Я инстинктивно поглаживаю штурвал во время короткой передышки, мягко поворачиваю и захожу на траекторию. Вычислить меня ничего не стоит, но немцы ошибаются. Почему? Потому что меня хранит судьба?

«Смерть примешь от волн, точно вижу», – вспоминаю слова гадалки, с которой виделся единожды в маленьком алжирском домике из белого песчаника. Позже всем говорил, что она спутала меня с матросом. Но сейчас в её словах неожиданно много веса. Щелчки камеры.

«Можно уходить».

Обратный полёт. Зенитки в Шамбери, чёрные кляксы над Греноблем. Молния, уходящая от смертоносных взрывов в последний момент. Время – три часа над территорией противника. Достаточно. Пора домой.

>>>

Лигурийское море блестит на солнце, не тревожимое ни единым порывом ветра. Кажется, само небо рухнуло вниз и задремало, растянувшись на огромном куске земли.

Я зачарованно наблюдаю за ним.

«Найдёшь свою смерть в волнах...» – снова вспоминаю я. И что с того? Прекрасная смерть, едва ли не лучшая на Зем-

ле. Ещё бывает смерть от старости, она, кажется, привлекательнее, хотя на деле... кто его знает? Может, вообще нет никакой разницы, как умираешь, и всё, что с тобой происходит, – последнее падение: всё дальше в черноту космоса, расцвеченного миллиардами звёзд.

Посторонний стук привлекает моё внимание. Когда находишься так высоко, звук, подобный этому, может означать крошечную проблему или скорую смерть. Мотор всё так же пыхтит, приборы исправно сообщают, что машина в норме. Настойчивый стук повторяется, будто кто-то кулаком бьёт по защитной крышке кабины. Я оборачиваюсь и не верю своим глазам.

Живой мальчик. Заглядывает внутрь, как ни в чём не бывало, стоя на корпусе самолёта, несущегося на огромной высоте. Кулак требовательно стучит по стеклу.

– Открывай, – произносит он. Я вижу, как шевелятся губы, но не слышу голоса, хотя и понимаю, что мальчик говорит. Отрицательно качаю головой. Он хмурится, потом поднимает кулачок и опять стучит.

У него пшеничного цвета кудри, разбросанные по голове, и тонкие брови, и слишком бледная кожа. Как он очутился на корпусе моего самолёта? Здесь, посреди неба?

– Ты уже забыл меня? – спрашивает он.

– Нет.

– Тогда открывай. Я должен тебе кое-что показать.

Преодолев бурное смятение, я тяну руку к ремням без-

опасности. Одному мне их не расстегнуть. Как, впрочем, и не открыть кабину. Я поворачиваюсь к мальчику и показываю ему левую руку.

– Она не работает.

– Работает. Ты просто забыл, как это делать.

– Моя травма...

– Все раны зарастают, и остаётся только память.

– Но...

– Значит, твоя не заросла, и ты не пустил её в память.

Ладно.

Мальчик кладёт ладони на стекло, я замечаю, что на них нет линий. Хочу спросить его об этом, но происходит невероятное: руки мальчика светятся тёплым жёлтым светом и проходят сквозь крышку кабины. Он склоняется надо мной, расстёгивает ремни.

– Держись крепче!

Одним невероятно сильным движением он вынимает меня из кабины. Я бьюсь коленкой о штурвал, вскрикиваю. Мальчик смотрит на меня.

– Мой браслет!

– Не волнуйся.

Ветром срывает перчатку. Серебряный браслет, который я никогда не снимаю, таинственным образом пропадает с моего запястья.

– Мы полетим на другую планету. Там никого нет, и мы сможем поговорить.

– Что? Как мы это сделаем?

– Мы уже это делаем. Смотри.

Он весь светится, и я замечаю, что свет обволакивает меня. Мы действительно летим, поднимаясь всё выше и выше, а самолёт, мой верный «Лайтнинг», потеряв пилота, уходит в отвесное пики. Вскоре небо перестаёт быть голубым, наполняется чернилами. Впрочем, в космосе не темно: постоянно светят звёзды – некоторые освещают нам путь, другие нет. Мне встречаются жёлтые звёзды, голубые и красные, а мальчик рассказывает, что есть ещё зелёные и фиолетовые, но они слишком застенчивые, чтобы показываться незнакомцам.

– А ты их знаешь?

– Знаю две. Они очень красивые, но всегда думают, что недостаточно.

– А твоя планета близко?

– Моя? Нет. Моя далеко отсюда. Мы летим на другую.

Мальчик кажется мне смутно знакомым, но память лишь дразнит, не желая открываться. Полёт мало-помалу замедляется, и вот я уже могу различить крошечный астероид. Он абсолютно лыс, на нём только два табурета.

– Что это?

– Планета для разговоров. Никто здесь не живёт, но для бесед она подходит отлично.

– И вправду.

Мы приземляемся в двух шагах от табуретов. Астеро-

ид действительно крошечный. Первым делом я обхожу его по экватору, и это занимает у меня пятнадцать шагов и около сорока восьми секунд. Мальчик не сводит с меня глаз. Наконец, я заканчиваю обход и сажусь на один из табуретов. Мальчик садится напротив.

– Ты, конечно, знаешь, почему я пришёл к тебе.

– Нет.

– Знаешь. Потому я не буду говорить долго и утомлять тебя.

– Правда, я не знаю.

Тут мальчик склонил голову набок и внимательно посмотрел на меня.

– Ты забыл?

– Что?

– Ты забыл?

– Я не знаю.

– Ты забыл?

Я морщусь. Складывается ощущение, что, раз задав вопрос, мальчик будет повторять его, пока не получит ответ.

– Да. Я забыл. Память подводит.

– Ничего страшного.

– Так зачем ты пришёл ко мне?

– Ты знаешь.

– Но я ведь забыл!

– Так ведь это не означает, что ты не знаешь. Тебе просто нужно вспомнить. А сделать это можно и потом.

– Как тебя зовут?

– Ты знаешь.

Я хмурюсь.

– Мне не нравится наша беседа.

– Мне очень жаль.

– Отправишь меня домой?

– Да. Но прежде я должен кое-что сказать. Кое-что очень важное.

Мальчик поджимает губы, убирает руки в карманы штанов, но тут же достаёт их, сжимает ладони в кулаки и кладёт их на колени. Я молча наблюдаю за ним, не зная, что и думать. В голове роятся тысячи мыслей, а мне их даже отогнать нечем. Разве что той фигурой в чернильной мгле – огромным слоном, который плывёт навстречу такому же огромному киту. У них чёрные лоснящиеся тела, и мне кажется, что они хотят убить друг друга.

«Какой же будет шум?»

Но ни единого звука не долетает до нас, когда два гиганта сталкиваются. Расцветает пунцовый цветок взрыва. Уж этот грохот точно до нас доберётся.

Тишина. Лишь цветок за цветком распускаются взрывы, словно алые кляксы на чёрной бумаге.

– ...ет.

– У тебя тоже закладывает уши?

– Что?

– Уши. Закладывает.

– Это плохо.

– Почему?

– Потому что это значит, что мне пора вернуть тебя домой, а ты так ничего и не понял, потому что стал слишком взрослым. Взрослые – странный народ.

На этих словах мальчик вскакивает на табурет, склоняется надо мной и хлопает в ладоши. Звук кажется мне чересчур звонким. Писк в ушах никак не желает проходить. В глазах темнеет.

Я вновь оказываюсь в кабине пилота.

«Лайтнинг» падает. Слишком быстро, и я изо всех сил тяну рычаг на себя. Мне не хватает времени выровнять самолёт. Я увеличиваю скорость, выжимаю из мотора всё, что можно. Он в гневе рычит, почти визжит мне в лицо.

«Давай».

Теперь я вижу только воду.

«Давай».

Могу различить отдельные волны.

– Давай!

Упрямый нос «Лайтнинга» пересекает линию горизонта, машина встаёт на прямой курс. Я весь мокрый от пота и слёз. Руки часто и мелко трясутся, так что не сразу удаётся снять дыхательную маску.

Галлюцинация. Мальчик, астероид, разноцветные звёзды, «твоя роза очень по тебе скучает», всё – бред изголодавшегося по воздуху мозга. Я прислушиваюсь и едва-едва разли-

чаю шипение. Новый шланг прохудился, в дыхательной смеси недостаёт кислорода.

«Боже, спасибо тебе».

>>>

На базе в Поретте меня встречают как героя.

Снимки вышли отличными. Союзники объявили наступление на Париж. Ликование в рядах моих соотечественников настолько бурное, что идут слухи о пирушке, устраиваемой поваром Гиге на исходе дня.

– Тони, пойдёшь к Гиге?!

– Не знаю, Гюстав. Меня вызывают в штаб.

Улыбка на лице лётчика меркнет. Конечно, все знают, для чего меня могут вызвать в штаб. Похвалить, может, представить к какой-нибудь награде – и «обрубить крылья». Для каждого пилота это трагедия, но здесь, среди своих, её ощущаешь куда острее. Потому что для них ты – будущее, которое однажды наступит.

– Всё будет хорошо, – уверяю я Гюстава, хлопая его по плечу. На душе скребут кошки.

Как и ожидалось, командование отвергло моё прошение на ещё один боевой вылет.

– Война – дело решённое, – говорит кто-то в комиссии, из которой я знаю только генерала, лично ходатайствовавшего за меня перед де Голлем. Он молчит, хмурится и из-

бегают моего взгляда. Никакой позорной отставки по причине возраста: штабные интриганы просто-напросто сообщили мне секретную информацию, тем самым сделав меня заложником «охраняемых и свободных от врага территорий».

Как знающего военную тайну, меня комиссовали в Танжер, откуда я должен был отправиться в Алжир, к жене. На попойку к Гиге я уже не попадал.

Впрочем, до отъезда со мной произошёл ещё один загадочный случай, природа которого так и осталась для меня загадкой. Ранним утром, ожидая транспорт до Кальяри, я решил прогуляться и заглянуть в ангар, чтобы попрощаться с боевым товарищем. «Лайтнинг» на земле – зрелище не менее впечатляющее, чем в воздухе, хотя в ангаре он выглядит скорее узником, чем его обитателем. Дорога отняла у меня не больше восьми минут, и вот я уже вошёл в пахнущий машинным маслом и кислым раствором аммиака ангар номер три. Яркий солнечный свет проникал внутрь постольку-поскольку, и, ослеплённый темнотой, я привалился к стене, ожидая, когда глаза привыкнут.

– Анри!

Никто не отозвался. Да и слишком тихо было внутри. Сердце чувствовало безлюдность помещения. Я крепко зажмурил глаза. Открыл. В ангаре никого и ничего не было. Ни людей, ни самолёта.

«Что случилось?»

– Анри!

Я выбежал на улицу, опять ослеп, но был слишком взволнован, потому добрался до следующего здания в пять больших шагов по памяти. Здесь шумела жизнь; кто-то насвистывал прилипчивый мотивчик, гремел инструментом. Ворвавшись словно метеор, я привлёк к себе всеобщее внимание.

– Анри!

– Да.

Мой хороший друг и блистательный механик вышел вперёд и протянул руку. Машинально пожав её, я всмотрелся в его лицо. Обычная улыбка, спокойствие в глазах.

– Мой «Лайтнинг»...

– Что?

– Мой самолёт! Он... пропал.

– Друг, прости, но он не пропал. – Что-то в глазах Анри поменялось, и я уже был готов услышать, что его отдали новому пилоту, молодому и умелому, что он, видимо, обкатывает его. – Его сбили вчера вместе с пилотом. Над морем. Трагедия...

Я ошарашенно уставился на Анри.

– Как...

– Проклятый фриц, кто же ещё, – ответил механик. Его слова никак не укладывались в голове.

«Ведь пилот я! Я вчера летал на нём и вернулся на базу!» – моя первая мысль. Анри ещё что-то говорил, его губы шевелились, но я не слушал. «Лайтнинг» никогда бы не отдали другому пилоту так быстро, к тому же вчера не было выле-

тов, кроме моего. Но самолёта нет, он погиб вместе с пилотом, а я всё же стою здесь.

– Анри?!

– Да?

– Ты меня видишь?

– Отчётливо, друг мой!

Я хотел было спросить, кто вёл мой «Лайтнинг», но тут сообщили о прибытии машины, и пришлось незамедлительно отправиться в путь. Корабль до «большой земли» отплывал раньше положенного, надеясь опередить наступающую непогоду.

Всю дорогу я размышлял о том, кто разбился в моём самолёте и постоянно ощупывал себя: руки, бёдра, лицо. Всё на месте. Солдат, ведущий машину, посматривал на меня с плохо скрываемым волнением. Я здесь. Я живой. А в ушах стоит гул мотора «Лайтнинга», уходящего в пике. На глазах выступают слёзы.

– Мсье, всё хорошо?

– Что?

– Вы...

Я тут же утёрся рукавом, чтобы не смущать постороннего человека.

– Ведь всё хорошо. Жизнь на этом, – кивок головы в сторону давно скрывшейся с виду авиабазы, – не заканчивается.

– Да, вы правы.

– Извините, моя сестра... она очень любит вашу книгу.

Не могли бы вы...

В руки мне лёг крошечный экземпляр «Маленького принца» в твёрдой обложке. Я тут же понял, что за мальчик стучался в мою кабину. Почему он? Спустя столько лет, посреди Средиземного моря, в последний мой полёт?

Я и не заметил, как машина затормозила у порта. Свежий бриз, коснувшийся лица, освежил и привёл меня в чувство. Я смотрел на обложку, сжимал книгу в руках тем сильнее, чем больше страшился оказаться мертвецом, бесплотным духом.

– Мсье...

– Ах, да. Простите. Я задумался. Так вашу сестру зовут Джейн, верно?

ДИЛЕТАНТ

Филипп просыпается в больнице.

Тошнота подкатывает к горлу. Выплёскивается наружу. Филипп успевает свеситься с края койки. Содержимое желудка растекается дурно пахнущей лужей на полу.

Кто-то зовёт медсестру. Филипп не узнаёт голос, да ему и не хочется. Стоит открыть глаза – мир начинает двоиться, в горле клокочет новая волна. Кислый запах рвоты смешивается с дезинфицирующим раствором. Тряпка елозит по полу с едва слышным скрипом.

– Очухался? – спрашивает медсестра. – Очухался, и ладно. Нагадил, конечно, но главное – очухался. Сейчас доктор придёт.

Филипп лежит с закрытыми глазами и пытается понять, что происходит. Почему он в больнице? Как он здесь оказался? Тошнит и двоится в глазах. Сотрясение?

«Откуда? Где я вчера был?».

Филипп пытается вспомнить, представляет память тропинкой и делает шаг назад. Белое поле, насколько хватает глаз. Крошечная точка на горизонте.

Вот он сидит на паре в университете. Накрапывает дождь, и оконное стекло покрыто сеткой крошечных капель. Преподаватель рассказывает о поэзии Серебряного века. Филипп сидит рядом с Адой. Они держатся за руки под партой. Её

ладонь такая горячая, что впору заподозрить грипп или лихорадку. Она сосредоточенно слушает лектора и пишет ту-гим, мелким почерком конспект. Филипп бросил свой на се-редине предложения. Перепишет когда-нибудь ближе к сес-сии. Сейчас он любит Адой.

Её лицо будто в тумане. Отдельные черты вспоминаются легко: волосы длинные, светлые, слегка темнее у корней – не успела подкрасить. Скулы высокие и острые настолько, что порезаться можно. Глаза карие, зеленеющие, когда она думает о нём или о тех местах, где хочет побывать. Всё это воздухом соединено вместе. Нос? Губы? Подбородок и шея? Какая она целиком?!

– Очнулись наконец-то? – голос возникает с той же сторо-ны, с которой говорила медсестра. – А мы уже волноваться начали.

– Сколь... – горло сухое, слова не даются, – сколько я тут? Шорох бумаги, металлический скрежет.

– Двое суток. И всё без сознания. Неплохо, учитывая опе-рацию.

– Операцию?

– Как себя чувствуете?

– Тошнит, – Филипп сглатывает. – В глазах двоится.

– Да, более-менее ожидаемо. Сейчас вам принесут сред-ство от тошноты, и, как только оно подействует, мы погово-рим.

– Подождите, – Филипп слепо вскидывает руку, хватается

за что-то мягкое и тонкое.

– Я не уйду. Если хотите, могу рассказать всё сейчас.

– Да, пожалуйста.

– Хорошо, одну секунду.

Большие ладони мягко, но настойчиво освобождают полу белого халата от цепких пальцев больного. Шаги в сторону двери. Скрип. Тихий голос отдаёт распоряжения. Опять скрип и шаги.

– Вы не против, я присяду.

– Конечно.

Скрежет ножек по кафелю. Приглушённое кряхтение. Филиппу очень хочется открыть глаза и взглянуть на доктора, но он боится приступа. Одно дело – блевать в одиночестве, совсем другое – под чьим-то взглядом. Пусть даже и врача.

– Для начала, зовут меня Игорь Лаврентьевич Сумах. Я ваш лечащий врач.

– Филипп Львович, – горло всё ещё саднит. – Трианов.

– Приятно познакомиться. Что последнее вы помните?

– Университет. Лекция по Серебряному веку, дождь...

– Так, полная потеря памяти о сутках до травмы. Что-нибудь из лекции помните?

– Нет. Я её не слушал почти.

– Хорошо. Хорошо...

– Вы говорили... операция?

– Филипп Львович, вы поступили к нам в отделение трое суток назад без пятнадцати десять вечера с травмами голо-

вы, рук, рёбер и ног. Как рассказала девушка, Лисовецкая Ада Михайловна, на вас напали несколько молодых людей. Вы самоотверженно задержали подонков, дав девушке сбежать. Она вызвала полицию и скорую. Не знаю, задержали их или нет, а вот вас доставили к нам. МРТ показал сильное повреждение гиппокампа и скопление крови в основании черепа. Операция прошла успешно. Среди возможных побочных эффектов – нарушение памяти. Главное, что удалось стабилизировать и восстановить протоки, насытить мозг кислородом, так что у вас сохранится как кратковременная, так и долговременная память.

Большую часть слов Филипп не понимает. Звуки складываются в слова, но с ними ничего не ассоциируется, знание не всплывает из глубин мозга. Это пугает. Он тут же сообщает о своих страхах Игорю Лаврентьевичу.

– Последствия травмы. Временное нарушение обмена сигналами между гиппокампом и височной долей мозга может привести к искажению или потере какой-либо информации. Большая её часть восстановится сама. Остальное придётся «узнать» заново.

Парень кивает, всё ещё не открывая глаз. Кто-то стучится в палату, доктор приглашает войти. Медсестра с лекарствами. Кругляшки – от тошноты, выпуклые овалы – от головокружения.

– Капсула – новый препарат. Все исследования пройдены, но сегодня его предлагают только передовые клиники вроде

нашей. Вам повезло: лекарство идеально подходит как раз к вашему случаю.

– Что оно делает?

– Активирует ряд нейромедиаторов, которые отвечают за регенеративные способности организма в целом и мозга в частности. Для вас это означает ускоренное восстановление: один месяц против трёх. Если в течение недели не возникнет осложнений, выпишем вас домой.

– А мои родители? Ада?

– Приезжают каждый день. Сегодня они почти два часа провели у вашей постели. Я отправил их домой, но сейчас им уже сообщили, что вы пришли в себя. Так что ждите завтра гостей! Ну как, полегчало?

Филипп открывает глаза. Копии предметов блекнут. Комок в горле рассасывается. Парень смотрит на доктора. Высокий крепкий мужчина с тяжёлым лицом бандита. Левую бровь пересекает небольшой шрам. Под серыми, неожиданно добрыми глазами залегли глубокие тени.

– А вы как?

– Вы об этом? – Игорь Лаврентьевич описывает указательным пальцем овал перед лицом. – Это работа. Отдыхайте. Проведаю вас утром. Медсестра возьмёт кровь и мочу на анализы. Уверен, всё будет хорошо.

Доктор протягивает руку, и Филипп слабо пожимает её. Когда за дверью стихают шаги, парень переворачивается на левый бок. Всё тело – большая непослушная кукла.

«Трое суток».

За строгими белыми занавесками разлился вечерний сумрак. Жёлтый свет фонарей не тревожит пациентов, глухой шум остаётся за окном. Только хмурое питерское небо и украдкой выглядывающая из-за облаков луна нет-нет да поглядывают через крошечную щель в шторах.

Филиппа клонит в сон. Соскользнув в темноту, он даёт повреждённому мозгу отдохнуть.

>>>

Выздоровление действительно идёт быстро, как Игорь Лаврентьевич и обещал. Утром следующего дня Филиппу уже намного лучше, от вчерашних тошноты и двоения в глазах не остаётся и следа. Воспоминание об университете дорисовывает само себя: возвращается из небытия и окончание лекции, и образ Ады. Слова и их значения вновь опутаны паутиной смысла.

Около двух часов дня приходят родители. Мама тихо плачет от радости. Отец держится, но по улыбке и глазам видно облегчение и пережитая тревога. Разговор выходит односторонним. Филипп слушает, редко-редко кивает и отвечает на вопросы. Он не помнит ни драки, ни лиц напавших. «Мам, ничего страшного, всё же нормально».

В палату входит Ада.

Оказалось, что переживания сблизили её и родителей Фи-

липпа. Он, почему-то боялся их знакомить. Не то чтобы мать с отцом выдвигали особые требования, а всё же кто знает, какой они видят спутницу своего сына? Сердце Филиппа теплеет от того, с каким вниманием отец относится к Аде, как мама легко приобнимает её и подводит к кровати.

– Как ты здесь? – спрашивает Ада. В её глазах стоят слёзы.

– Всё хорошо, – отвечает Филипп, берёт её за руку. Ладонь девушки настолько горячая, что впору заподозрить грипп или лихорадку.

– Болеешь, что ли?

– Немного.

– Оставайся здесь. Врач хороший.

Смеются, хотя шутка плохая. Напряжение уходит, и всё становится светлым и лёгким. Входит Игорь Лаврентьевич, сердечно приветствует семейство. Предлагает родителям отойти, чтобы что-то обсудить. Филипп машет им рукой, мол, всё в порядке, идите. Хочется побыть с Адой наедине.

– Ты... ты очень смелый, – говорит она. – Я испугалась. Думала, они тебя...

– Хэй, да ты не видела, как я их отделал, – говорит Филипп и тянет девушку к себе. От неё пахнет зелёным чаем и миндалём. Она поддаётся и мягко приземляется на постель.

– С тобой точно всё хорошо? – спрашивает Ада.

– Пока нет, – отвечает Филипп. – Но скоро будет.

Девушка смотрит ему в глаза: всего несколько минут, а ка-

жется, что проносятся десятилетия. Вот она старая, с морщинами, но главное остаётся при ней, то, что делает её красивой, – уверенность в себе, игривость, наблюдательность и цепкий ум. Это видно в глубине зрачков. Но причёска меняется, выцветают глаза.

Филипп не отшатывается только потому, что резкие движения ему пока не даются.

– Флиппер?!

Иногда она зовёт его так в честь дельфина из мультфильма. С чего всё началось, Филипп не помнит. Стоит слову прозвучать – морок рассеивается. Он снова смотрит в молодое лицо Ады.

– Лопака! – отзывается Филипп. Приоткрывается дверь, но никто не входит. Через пару секунд дверь закрывается.

– Тебя будто кто-то напугал.

– Просто закололо. Вот здесь. – Филипп показывает на случайно выбранное место повыше живота. – Но уже прошло.

– Я скажу врачу.

– Да зачем? Чтобы меня тут целый год продержали? Всё нормально, просто организм приходит в себя. Столько валялся без дела!

В дверь стучат.

Ада вскакивает с кровати и встаёт рядом.

– Входите!

Возвращаются родители и Игорь Лаврентьевич. Отец

с матерью выглядят чуть встревоженными, но довольными.

– В пятницу, думаю, можно будет вас выписывать, Филипп Львович. Анализы очень хорошие, можно сказать, феноменальные. Завтра ещё раз сделаем МРТ.

Игорь Лаврентьевич подмигивает. Новость чудесная, и все радуются. Филипп уже представляет, как вернётся домой к графическому планшету и альбомам. Пальцы пока слушаются плохо, но сила в них уже вернулась, так что дело за малым. Он скучал по родителям и Аде, но, увидев их, заскучал по большой своей страсти – рисованию.

В среду Филипп уже осторожно расхаживает по палате, а в четверг неторопливо, но сам доходит до туалета, кабинета врача и обратно. Аппетит у него отменный, и единственное, что гложет парня, – скука. Читать ему запрещают, альбомы и карандаши тащить в больницу на пару дней нет никакого смысла, слушать музыку надоело. Целыми днями он находится в палате, смотрит в окно и считает вяло текущие секунды.

Контрольные анализы радуют докторов. К десяти утра пятницы приезжают родители. Филипп и мама остаются в палате, отец подписывает документы на выписку. Парень уже переделся, готов идти в питерскую слякоть, ветродуй и холод, стоять в пробке, слушать какофонию звуков большого города, смотреть на толпы интересных и не очень людей. Заглядывает Игорь Лаврентьевич, говорит пару формальных слов, но они приятно ложатся на антураж выписки,

потому не кажутся фальшивыми. В коридоре переминается с ноги на ногу отец, сжимая в руках пакет с лекарствами.

– Жду вас в понедельник, – прощается доктор и стремительным шагом уносится вглубь больницы. Филипп с родителями спускаются молча, и молчать так же приятно, как и касаться друг друга, ощущать живое тепло рядом. Юноше очень нравится ходить, просто переставлять ноги. Такая банальная вещь, а без неё мир совсем не тот.

Машина; ухабистые дороги; пробки; забитый автомобилями двор, в котором отец мастерски пристраивается в свободный закуток; запахи жареного лука, мяса и сигарет в парадном; громяхающий лифт, звон ключей в замочной скважине.

– Ада приедет после университета, – почему-то шепчет мама на ухо Филиппу. Тот удивлён, корчит в ответ рожу. Неловко разувается – мелкую моторику восстанавливать ещё несколько месяцев – и тут же направляется в свою комнату. Ему кажется, что он пропал где-то несколько лет, хотя ничего не изменилось. Кровать в углу, книжные полки во всю стену, письменный стол у окна. Графический планшет перед староватым, но ещё не отжившим своё компьютером блестит новизной. Филипп купил его как раз накануне происшествия, даже не успел опробовать.

– Полежишь, или пойдём кушать?

– Давайте Аду дождёмся. Я пока тут. Спасибо, мам.

Она кивает и выходит. Филипп подходит к столу, садит-

ся в кресло. Пальцы дрожат. Глазами он находит карандаш, но не торопится его брать. Что-то внутри бунтует. Нет... боится. Филипп размышляет, гипнотизируя карандаш.

«Не попробуешь, не узнаешь».

Пальцы движутся далеко не так ловко, как он привык, но тело карандаша замирает в ладони. Филипп берёт один из альбомов, открывает на чистой странице.

«Пусть будет груша».

Образ пузатого фрукта возникает сам собой: неоднородная кожа – от бледно-жёлтого к зеленоватому – покрыта бледными крапинками. Лежит на боку.

Первая неуверенная линия. Слишком криво.

«Может, начать сначала?»

Прямая линия. Вполне ровная. Ещё одна под ней. Ещё. Филипп увеличивает скорость, упражнение получается, и на его губах играет улыбка. Без передышки он возвращается к груше. Рисует быстро, не думая. Фрукт получается на совсем реалистичным, но Филипп не претендует на лавры реалиста. Некоторые друзья говорят, что у него «свой стиль». Смотря на грушу, парень понимает, что может рисовать. Навык не исчез. Умение и страсть с ним.

«Слава богу».

В прихожей голосит домофон. Ада. Филипп бросает карандаш в подставку, закрывает альбом и для верности сверху кладёт скетчбук. Он не хочет показывать эту страницу. Надо будет её потом вырвать.

– Фил, дверь, – это отец, проходя в сторону кухни.

– Иду!

>>>

Видения настигают его спустя пару дней после возвращения из больницы.

Филипп восстанавливает распорядок дня: ранний подъём, завтрак, рисование, обед, прогулка или продолжение рисования, ужин. Вот и этим утром, отключив будильник и добравшись до ванной, он не глядя хватается щётку из серого стаканчика; Филипп не здесь. Он погружен в себя: рассуждает о начатом давно, но так и не законченном рисунке.

Высокая, нечеловечески вытянутая фигура с тонкими руками и ногами, одетая в белый балахон. Лицо скрыто в тени капюшона. Главная заглавная – фон. Он никак не желает рождаться, а идеи, которые приходят Филиппу в голову, кажутся притянутыми за уши.

«Может, густой лес? Банально. Холмы... серые, мёртвые, – думает он. – Или развалины дамбы с пересохшим озером».

Мысленно накладывая один фон за другим, юноша отмечает варианты. Нужно что-то простое. Но с подтекстом.

С кухни доносится грохот.

Филипп поднимает глаза и фокусируется на отражении в зеркале.

Он. Сильно постаревший. Череп гол и покрыт неровными пигментными пятнами: будто ребёнок хотел нарисовать континенты, но бросил рисунок, не закончив. Веки напоззли на глаза, а брови разрослись и пучками торчат вперёд. Нос стал шире, ноздри – настоящие пещеры. Уголки губ вытянулись вниз. Седая-седая борода, большая и лохматая. Лакуны зрачков пылают огнём. На руках бледные следы плохо отмытой краски. И морщины. Целые легионы морщин. Словно когда-то в этом старике человека было больше, но его потихоньку высосали, а кокон обвис.

Видение всё длится. Филипп не может отвести взгляд. Входит мама, легонько отталкивает его в сторону.

– Не лей зря воду, – говорит она. Парень моргает, и навждение пропадает. Молодой Филипп в отражении заворуженно смотрит сам на себя. Его мама трясёт бело-оранжевый баллончик. Через пару секунд струя белой пены покрывает начавшую краснеть кожу.

– Что у тебя с рукой?

– Да я что-то задумалась! Кипяток сливать начала, а руку не убрала.

Филипп удивляется: он слышал грохот, но не крик боли. Мысли догоняют воспоминания. Его мама никогда не кричит. Однажды, лет в шестнадцать, он спросил у неё, почему она никогда не реагирует на боль. Ответ был спокойным и холодным – так научили.

– Может, принести чего?

– Я же просила «ИРЖ» принести. Не слышал?

Тревога в глазах. Каждый раз, стоит Филиппу дольше прежнего задуматься над ответом или позабыть слово, она тут же появляется в маминых глазах, да и в отцовских тоже. Только Ада будто бы этого не замечает и терпеливо ждёт, когда прокрутятся повреждённые шестерёнки в голове Филиппа.

– Нет. Прости, я тоже задумался. Не знаю, как закончить рисунок.

– Ой, нашёл проблему! Лучше подумай, как экзамены сдавать будешь.

– Мам...

– Ну ладно. Пойдём завтракать.

Филипп остаётся один. Взгляд скользит к зеркалу, но оно исправно показывает молодого худощавого парня восемнадцати лет.

«Это был я?» – думает он. Отражение повторяет тревогу в глазах и пульсацию вены на виске.

«Странно».

>>>

После завтрака видения становятся навязчивыми.

«Пройдусь, забегу в магазин, потом посижу над рисунком. Может, придумаю что-нибудь», – думает Филипп по пути в свою комнату. Открыв шкаф, он замирает.

Вся одежда, висящая на плечиках и аккуратно сложенная в стопки на полках, преобразилась. Исчезли любимые футболки и рубашки, штаны и брюки. На месте остался только свитер крупной вязки, но выглядит он сильно поношенным. Рядом с ним почему-то стопка чёрных и бежевых бадлонов. Филипп не носит такое. На плечиках две рубашки светло-серого и кремового оттенков, спортивный пиджак, клетчатый костюм, сшитый на заказ, тёплая жилетка и огромная кофта из флиса с воротником под горло. Висят на вешалке для штанов широкие, классические голубые джинсы, брюки свободного покроя шоколадного цвета и ещё одни чёрные джинсы.

Не веря своим глазам, Филипп тянется к стопке бадлонов. Пальцы натываются на знакомую ткань и шероховатый принт. Медленно вытащив из шкафа бадлон, он разворачивает его и видит в руках свою футболку с оскалившимся Микки Маусом.

«Бред».

Содержимое шкафа, мигнув, словно непрогрузившееся видео, приходит в норму.

Филипп прислушивается к своим ощущениям, но всё в порядке: в ушах нет звона или гула, голова не болит. Мысли текут свободно. Он легко вспоминает имена близких друзей и первые десять композиций в плеере.

«Почему... Что происходит?»

Филипп быстро одевается, бросает телефон и наушники в карман. Стоит ему выйти в коридор, как квартира преобра-

жается. По левую руку всё остаётся неизменным, но по правую исчезают обои, вместо них на стену волнами нанесена штукатурка. Будто застывшая водная гладь в пасмурный день. Кусок потолка побелел, в нём появилась ниша, из которой льётся приятный тёплый свет.

Стараясь не обращать внимания на глюк, Филипп выходит в прихожую. Иллюзия медленно растворяется. Сев на пуфик, юноша потирает виски. Видения приходят и уходят. Зеркало в прихожей отражает сначала крепкого старика в серо-коричневом балахоне, затем его – напуганного и взъерошенного Филиппа.

– Телефон взял? – спрашивает мама, выходя из комнаты.

– Конечно.

– Давай тогда недолго. И, если что, сразу звони. Игорь Лаврентьевич сказал, что тебе нужно гулять, но я всё равно переживаю.

Филипп поспешно отворачивается, делая вид, что достаёт кроссовки. Обувь тоже меняется: какие-то мягкие мокасины, тяжёлые высокие ботинки из потёртой кожи. Мгновение – и всё возвращается в норму.

– Старую куртку пришлось выбросить. Надень отцовскую.

Руки сами нашаривают стёганный рукав. Внутри шкафа Филипп даже не смотрит. Буркнув что-то вроде «пока, мам», он почти выпрыгивает в парадную.

>>>

Лифт дрожит, хаотично мимикрируя из привычной старой кабины в сверкающее хромом устройство. Шорох и лязг сменяются тихим шёпотом вентиляции. Филипп сжимает кулаки, надеясь, что боль от впившихся в ладонь ногтей приведёт его в чувство. С восьмого этажа лифт спускается целую вечность. Наконец, он останавливается. Филипп порывается выйти, но дорогу ему преграждает девочка лет двенадцати в розовой куртке и шапке с помпоном. Пятый этаж.

– Здравствуйте, – говорит она.

– Здравствуйте, – эхом отзывается юноша.

Они на пятом этаже. Поездка продолжается.

Девочка меняется вместе с лифтом. В какой-то момент Филипп наблюдает кадавра, состоящего наполовину из девочки, наполовину из уставшей, но привлекательной женщины лет сорока. Юноша прикладывает все силы, чтобы не закричать.

На первом этаже морок распадается. К выходу из парадной бежит девчонка в розовой куртке.

Филипп медленно переставляет ноги, приваливается к стене. На глаза попадает тайник – никем не используемый почтовый ящик. Если надавить в нужном месте, его можно открыть без ключа. Там Филипп хранит пачку сигарет и зажигалку. Вдруг перед глазами появляется картина: он смотрит на свои старческие руки, точнее, на платок в своих старческих руках. Свежие пятна крови расплзаются алыми

ниточками, впитываясь в ткань.

– Да что со мной! – кричит юноша в пустоту подъезда. Слова эхом поднимаются вверх, этажа до четвёртого. Он напуган. Галлюцинации после серьёзной травмы мозга – возможный приговор на всю жизнь.

«Нужно подышать».

Осенний Питер романтичен только в хорошую погоду. Низкое серое небо выедает все цвета, даже яркие рекламные баннеры и светящиеся вывески кажутся блёклыми. Настроение стремительно портится. Филиппу хочется закурить, но для этого нужно вернуться обратно в парадную. И платок... платок с кровью. Его кровью, он точно это знает. Юноша падает на влажную после дождя скамейку. Чёрт с ним, с джинсами.

«Что я вообще вижу?» – спрашивает он себя.

Будущее. Ответ настолько же простой, насколько сокрушительный.

Филипп считал будущее некой абстракцией, набором вероятностей, которые могут произойти, а могут и нет. Думать о нём как о свершившемся факте он считал глупым.

Но в видениях он видит себя. Себя старого.

Насколько эти видения вообще реальны? Соотносятся ли они с реальностью, где живёт он? Может быть, он видит какую-то параллельную вселенную. «Каждый наш выбор порождает новый мир», – кажется, так говорили в том сериале?

Руки сами собой зарываются в карманы. Паспорт, теле-

фон, наушники. Филипп выкладывает их себе на колени и рассматривает. Видение накатывает само собой и изменяет предметы перед глазами: паспорт в прозрачной обложке исчезает, наушники заменяются каким-то крошечным белым чехлом, а телефон становится просто тонким куском...

«Что это?».

Да откуда Филиппу знать?

Трясушимися пальцами юноша поднимает трубку. На ощупь она ничем не отличается от смартфона, с которым он ходит уже третий год, но содержимое трубки невероятно. Филипп путешествует по меню и приложениям, пытаюсь отыскать то, что его интересует. Наконец, в «Бумажнике» он находит то, что искал. Паспорт. Или его аналог.

Непонятные значки покрывают электронный лист, на котором указаны имя, дата рождения, группа крови и генетический статус. Но куда важнее иное. Дата выдачи документа. Точнее – последнего обновления.

«Такого просто не может быть».

Сентябрь две тысячи семидесятого года. Пятьдесят лет. Какого чёрта?! Это не может быть правдой. Ведь не может? Филипп закрывает документ и открывает календарь. От усилия болят виски, но он продолжает гипнотизировать дату. И она меняется. Со второго октября семидесятого на шестнадцатое апреля пятьдесят седьмого.

Видения показывают будущее. Его будущее. Травма неделила его «временным» зрением.

«Как? Почему?» – думает Филипп. Похоже, операция прошла не так успешно, либо современные врачи даже не знают о том, что наш мозг может заглядывать в будущее. Вспомнился фильм «Прибытие».

«Неужели я теперь воспринимаю всё время своей жизни разом? – думает Филипп. – Или это всего лишь глюки? Я сошёл с ума? Надо как-то проверить».

Результаты спортивных матчей – классический способ из «Назад в будущее». Пальцы сами собой открывают браузер, лезут в поисковик.

«Гугл. Ничего не поменялось».

Почему-то страница с результатами не хочет грузиться. Когда же из цифрового небытия возникают названия команд и цифры, Филипп понимает, что смотрит в экран своего смартфона. «Временное» зрение отключилось. Он пыжится, напрягается до красноты, но ничего не выходит. И вдруг картинка меняется рывком, Филипп отшатывается и чуть не падает со скамейки.

«Восьмое октября две тысячи семнадцатого года. Zenit – Spartak: один – ноль».

Остаётся дожидаться вечера. Приняв решение, Филипп немного успокаивается. Фантомы «временного» зрения теперь не так сильно его пугают.

«И если вечером окажется, что это просто глюки, пойду к врачу».

>>>

– видел, как наши вздули москвичей!!!!!!111!!!!

– Что?

– наши натянули красных 1 – 0 на последних 5 минутах
охереть!!11!!

– Да? Классно. Поздравляю.

– ты как чо

– Нормально. Вот, прихожу в себя.

– давай выздоравливай скорее. в унике без тебя тухло

– На следующей неделе уже приду, думаю.

– клас!!!!111

>>>

Он видит будущее.

Бездна вариантов заставляет Филиппа скрыться в комнате и взять тайм-аут. Нужно передохнуть и осознать, что делать дальше.

Первым делом его одолевают мысли сыграть на ставках. Или в покер. А лучше прошерстить будущее и найти моменты взлётов и падений, и вложить деньги...

«Стоп».

Дело не в деньгах. Он видел своё будущее: богач или нет, а выглядит он нормально, живёт в квартире, – значит, как-то может себя прокормить и одеть. Нужно смотреть ши-

ре. Можно помочь людям. Предотвращать катастрофы, преступления, предупреждать о стихийных бедствиях. Конечно, это нужно делать осторожно, чтобы на него не вышли спецслужбы и не засунули в какую-нибудь тайную лабораторию, чтобы не использовали его в политических или даже в военных целях. К тому же он не сможет предупреждать всё. Только самые крупные события...

«Стоп».

Разве не будет будущее меняться, если он изменит что-то в прошлом? Предположим, что-то произойдёт в две тысячи двадцать первом: захват заложников, извержение вулкана, авария на танкере, перевозящем нефть. Разве исключение этого события не окажет влияние на целый ряд событий в будущем? Всё, что Филипп знал о временном континуме, он почерпнул из книг, фильмов и видеоигр. Что, если в реальности дела обстоят точно так же? Тогда любое предупреждение и исправление будет перекраивать картину мира и может привести его к концу света!

«Но я ведь буду видеть дальше? – думает он. – Значит, смогу всё исправить, в случае чего. Наверное...»

Никакого героизма и масштабного перекраивания истории.

Но можно помочь хотя бы себе?

Филипп думает, чего он хочет на самом деле. Учёба в университете – компромисс ради спокойствия родителей. Его увлекает живопись. Он хочет быть художником. Свободным

и странным. Страстно рисуящим сутки напролёт, участвующим в самых разных проектах: выставках, перформансах, кино, видеоиграх. «Временное» зрение будто отвечает на эту мысль и проигрывает жизнь, которую Филипп себе и придумать не мог. Его картины заполняют залы в Испании, Швеции, Великобритании, Франции, Польше, Чехии, Китае, Южной Корее, Японии, США, Бразилии и многих других странах. Друзья и знакомые рады привечать его по всему миру даже после того скандала. Он проходит долгое и дорогое лечение от зависимостей, но в конце концов возвращается к творчеству. Кто-то говорит, что он «успокоился», но другие отмечают, что «ярость и блеск» заменила «истинная глубина». Филиппу по-прежнему нравится заниматься творчеством, но теперь его так же занимает семья, разрушенная им же самим. Он вымаливает прощение у детей, и теперь они готовы терпеть его по праздникам и разрешают общаться с внуками. Он счастлив и печален примерно поровну. Но больше всё же счастлив.

«Стоп».

Филипп садится за стол и открывает незаконченный рисунок.

«Временное зрение» добавляет аккуратную штриховку на фоне. Ничего особенного. Это даже нельзя назвать фоном.

«Что за чушь».

Но чем дольше Филипп вглядывается в результат, тем

больше ему не по себе. Рисунок вызывает ужас. Его тяжело артикулировать, скорее всего, даже невозможно, но мурашки пробегают по рукам и спине, остаются холодком на затылке. Фигура и серый фон сливаются, и из-за этого чёрный провал на месте лица, воронка, скрытая в глубине капюшона, овладевает вниманием зрителя.

Филипп заканчивает рисунок за двадцать минут. Ужас скалится зубастой улыбкой. Филипп захлопывает скетчбук.

«Правда. Всё правда».

Оставшееся время до ужина юноша составляет карту ближайших происшествий.

>>>

Крупное ДТП на Ушаковской набережной парализовало проезд к центру, из-за чего уровень пробок многократно вырос. В это же время неизвестные ворвались в букмекерскую контору и ограбили её. Ведётся следствие. При желании Филипп может узнать, чем оно завершится.

Авария на электростанции под Минском. Самолёт совершает вынужденную посадку в аэропорту Парижа. Президент США заявляет, что «Россия – опасный, но необходимый партнёр для страны, если она хочет продолжать развиваться». Очередные испытания ядерного оружия в Северной Корее совпадают с избранием нового президента в Южной. Казус на престижной собачьей выставке «Крафт»: один из по-

родистых питомцев умудрился сбежать и облаял представителя королевской семьи.

Строчка за строчкой Филипп вычёркивает события из карты ближайших дней. К середине листа он уже ни капли не сомневается в правдивости «временного» взгляда, а к концу – готов доверить ему свою жизнь. Вопрос, откуда у парня «эта штука», остаётся открытым, но Филипп не знает, кому его задать. Разве что Игорю Лаврентьевичу, но приём только в понедельник.

Филипп подумывает о том, чтобы составить громадный план своей жизни, но перспектива его пугает. Вдруг он узнает о чём-то страшном, о гибели родителей в ДТП или чудовищном разрыве с Адой? О муках и боли, которые ему или близким придётся пережить? Ведь вчера он видел только очень приблизительную картину своего будущего.

«...Мне так и не удалось осуществить свои мечты. Не все, но многие. Ощущение такое, будто я пытался идти по давным-давно закрытой дороге, усыпанной шипами, битым стеклом и обломками чужих костей...»

Будто эхо ещё не произнесённых слов окатывает юношу ледяной волной. Он чувствует в этой мысли отзвук «временного» взгляда, но она исчезает слишком быстро. Филипп не успевает зацепить её и разобрать.

Внутри него поселяется тревога.

Надеясь отыскать этот участок своей жизни, юноша берёт чистый лист и начинает быстро писать всё то, что ему удаётся

узнать о себе старом. Сильно помогает телефон.

К семидесяти годам он жив и находится в твёрдом уме. Болезнь разрушает его лёгкие. Живёт он, судя по всему, в этой же квартире, один. Судьба его отношений трагична.

«...Такова жизнь. Дар, полученный мной случайно, ничем так и не помог. Я не успел обратиться к важному, не смог уберечь своих родных от потрясений и катаклизмов. По сей день мне кажется, что это была шутка Бога или какого-то другого могущественного существа, которое развлекается, наблюдая за метаниями людей, обременённых...».

Рука Филиппа дрожит, и точка срывается вытянутой кривой через всю страницу. Несколько секунд он водит глазами по строчкам и откладывает ручку.

«Почему не помог? Я прямо сейчас могу...».

Филипп смотрит на дверь в свою комнату «временным» взглядом. Через пару секунд зайдёт отец. Если закрыть дверь – этого не произойдёт. Юноша вскакивает со стула, но неловко приземляется на стопу и падает. В приоткрытую дверь стучится отец.

– Сынок, чем занят?

– Да так... А что?

– Тихо у тебя. Обычно музыка играет.

Филипп быстро улыбается, встаёт и садится в кресло. Несколько секунд отец встревоженно смотрит на него, кивает сам себе и уходит. Даже спиной юноша чувствует, как волнуются за него родители.

«Не получилось», – встревоженно думает Филипп.

Следующую попытку он предпринимает за ужином. Просит маму приготовить на завтрак кашу, хотя отчётливо видит сырники. Затем проводит половину ночи, пытаясь найти «временным» взглядом момент, когда его лёгкие поразит болезнь. И засыпает в бесплотных попытках.

– Сынок, у тебя врач, помнишь? – спрашивает мама, мягко толкая Филиппа в плечо. Он просыпается и тут же подсакивает на кровати. Мама вскрикивает.

– Чем пахнет? – резко спрашивает юноша.

– Что?

– Чем пахнет, мам?

– Ой... Ты же кашу просил? А я забыла совсем.

>>>

– Интересно...

Игорь Лаврентьевич соглашается выслушать пациента. Филипп сбивчиво, но с каждой секундой всё более страстно рассказывает о видениях, «временном» взгляде и бесплодных попытках обнаружить момент, когда его лёгким подпишут смертный приговор. Юноша достаёт исписанный лист и передаёт врачу.

– Это вы сами записали?

– Да, вчера.

– Занятно.

Доктор встаёт, подходит к окну. Разговор застывает, как холодный ноябрьский воздух в пять утра. Протерев пальцами глаза, Игорь Лаврентьевич возвращается к столу.

– Когда, говорите, у вас это началось?

– В день выписки, дома. Потом стало сильнее. Сейчас я более-менее научился этим управлять.

– Можете воспользоваться «временным» зрением прямо сейчас?

– Да.

Врач погружается в раздумья. Филипп, сгорбившись, сидит на кушетке, смотрит на Игоря Лаврентьевича.

– То есть вы утверждаете, что вот это – это вся ваша жизнь. От, условно, сегодняшнего дня до самого конца?

– Нет, не вся. И не до конца. Кажется, до шестидесяти восьми.

– Почему именно шестьдесят восемь?

– Не знаю. Я смотрел на календарь в телефоне и выяснил, что могу заглядывать на пятьдесят лет вперёд максимум.

– Уверены, что предсказания... точны?

Филипп пересказывает доктору свои опыты.

– Очень любопытно, Филипп. Есть идеи, откуда у вас появилась эта способность?

– Наверное, из-за травмы. Что-то с мозгом. Я думал об этом: получается, мы все можем заглядывать в будущее, если получилось у меня, да? Не знаю. Поэтому и решил вам рассказать.

– Правильно. И в каком-то смысле проблема действительно в травме.

– Да?

– Да. Ещё точнее – в лекарстве. Экспериментальном средстве, которое помогло вам так быстро встать на ноги.

Филипп молчит. Ступор длится пару мгновений, но юноше кажется, что он просидел на кушетке несколько вечностей подряд.

– Но если вы знали, то почему не предупредили о побочных эффектах?!

– Простите, Филипп. Шанс, что лекарство окажет такое влияние, просто ничтожно мал. К тому же мы проводим эксперимент, а значит, я не могу в него вмешиваться.

– Это...

– Нечестно. Плохо. Но это средство может стать спасением для сотен тысяч людей. С его помощью можно лечить не только осложнения при черепно-мозговых травмах, но и нейродегенеративные заболевания. Эффект «временного», как вы его назвали, зрения, проявляется у одного человека на шестьдесят тысяч.

– Откуда вы знаете?

– Статистика. Лекарство – местарофат – придумали ещё в Союзе. Изобрели в конце восьмидесятых, но после клинических исследований его засекретили КГБ. Хотели использовать в целях разведки как раз из-за этого эффекта. Довольно скоро выяснилось, что «временной» взгляд проявля-

ется крайне редко. Но Союз как раз начал разваливаться, в девяностых большая часть документации утекла за рубеж, а то, что осталось, держат под строгим контролем. Местарофат всплыл случайно. Подняли архивы, подали запросы. ФСБ пошли на попятную. Препарат заново изготовили, провели исследования на современном оборудовании. Потенциал огромный, я уже говорил. Сейчас проходит третья волна тестирования.

– Погодите... Если он был у КГБ, получается, они знали...

– Думаю, в ФСБ его тоже используют, и люди знают. Но вы уже, наверное, поняли, что толку в этом знании немного...

– Будущее нельзя изменить?

– В точку.

– Почему?

Игорь Лаврентьевич возвращается за стол.

– Не знаю, Филипп. Не думаю, что кто-то вообще знает.

Физики и философы с удовольствием порассуждают на эту тему, но станет ли вам от этого легче?

Собеседники молчат. Филипп не хочет отвечать на вопрос. Он смотрит на свои записи, и они кажутся ему смешными. «Жизнь на листочках». Досада, гнев и страх смешиваются в горький коктейль. Он так много узнал, но ничего не сможет избежать. И забыть тоже не сможет. Получается, остаётся покорно ждать своего будущего? Некоторое время Игорь Лаврентьевич наблюдает за пациентом, потом встаёт и подходит к чайнику.

– Может, чаю?

– Нет, спасибо.

– Вы, я смотрю, расстроились?

– Я думал... хотел... Ну, в общем, как-то воспользоваться

таким шансом.

– Если не секрет, каким образом?

– Не знаю. Спасти кого-нибудь. Предотвратить катастрофу. Защитить близких и родных. Не делать глупых ошибок.

– Так кто же вам мешает?

Филипп непонимающе смотрит на доктора.

– Люди каждый день спасают кого-нибудь: пожарные, врачи, адвокаты, просто отважные люди, оказывающиеся в нужном месте в нужное время. И катастрофы предотвращают. Защищать близких и родных можно, и не зная будущее. А что до ошибок... То какая же это жизнь – без глупых ошибок?

Юноша отмахивается, но слова доктора западают в голову. Он ведь прав. Так, может быть, Филипп грустит по чему-нибудь другому?

– Так что насчёт чая? – повторяет вопрос доктор.

– А я вас не сильно отвлеку?

– Минут десять найдется. Смотрите, какой на улице ветерище, – кивок в сторону окна. – Без горячего в такую погоду нельзя.

>>>

«Временной» взгляд исчезает, когда Филипп заканчивает курс местарофата.

Пару дней видения ещё настигают его. Затем пропадают вовсе. Некоторое время юноша скучает по необычной способности, но вскоре и это проходит.

Жизнь берётся за него, как строгий учитель – за нерадивого ученика. Впрочем, так она обращается с каждым, и нужно немало времени, – подчас целая жизнь – чтобы понять, что это от большой любви, а не от злобы.

Университет Филипп не бросает. Заканчивает без красного диплома, но всего с одной тройкой и двумя четвёрками, чем втайне гордится. На последнем курсе он участвует в международной конференции, на которой демонстрирует свои рисунки. Посреди лета, пока Филипп раздумывает, что ему делать дальше, на электронную почту падает письмо на испанском. Амадо Кампос, один из гостей конференции, оказался заинтригован молодым русским художником. Он приглашает Филиппа и Аду к себе, обещает пристроить картины в галерею своего отца, предлагает поработать над иллюстрациями к роману молодого и подающего надежды испанского писателя.

«... ничего феноменального, но так ты сразу станешь международным художником, а это как-то да поможет!»

Юноша с радостью принимает приглашение.

Воспоминания о будущей жизни на удивление быстро вы-

ветриваются. Разве что дежавю настигают Филиппа чаще, чем других, но он даже рад этому ощущению. Несмотря на то, что у Филиппа нет возможности прожить не свою жизнь, дежавю служат лишним подтверждением, что он всё делает правильно. Юноша так никому и не рассказал про видения, если не считать Игоря Лаврентьевича. По крайней мере, напрямую. Многие зрители и критики замечают в его работах странные образы, которые обретают смысл только через несколько месяцев, а то и лет после показа картин. Никому и в голову не приходит, что эти рисунки вдохновлены будущим, а не будущее – талантливыми картинами.

Лишь однажды увиденное в эпоху «временного» зренья прикасается к сознанию и сердцу Филиппа.

Это происходит тринадцатого октября две тысячи семидесятого года. Филипп неторопливо прогуливается по парку Семпione, в нагрудном кармане мнётся билет до Санкт-Петербурга, и он с радостью и грустью размышляет о том, что купит внукам на Рождество. Ещё целых три недели в запасе, а он уже мается. Никогда не умел выбирать подарки.

Неожиданно на старика накатывает ощущение пустоты. Будто бы занесённая нога опустится сейчас не на гравий дорожки, но провалится в пустоту, а он рухнет туда за ней, унесённый естественными силами гравитации. Время пропускает пару мгновений. Филипп же, не в силах сделать шаг, подаётся всем телом назад и чуть было не падает. Пара молодых ребят, беззаботно о чём-то болтающих на скамейке непода-

лёку, вскакивают и бросаются к пошатнувшемуся старику. Благо, что всё обходится небольшим замешательством.

– Grazie, – говорит Филипп, чувствуя, что сжимает в кисти грубую ткань куртки незнакомца. Несколько минут уходит на то, чтобы убедить молодых людей, что с ним всё хорошо и скорая не нужна. Простившись с ними, Филипп идёт дальше.

Наваждение было таким сильным, но ослепительно коротким. Филипп не понимает, что ему делать дальше. Старик идёт, внимательно осматриваясь по сторонам. Гравий, как и должно, хрустит под подошвами.

«Всё идёт своим чередом», – думает Филипп, доставая платок. На белоснежной ткани застыли бурыми пятнами капельки крови – единственные последствия стычки с безумным фанатиком, залепившим старому художнику оплеуху на его новой выставке. Что ж, разве настоящее искусство не должно быть провокативным?

Переживая наваждение, Филипп не заметил, как закусил покрывшуюся корочкой болячку. Чувствуя на языке привкус меди, художник запрокидывает голову и смотрит вверх. Небо медленно наливается чернотой, готовясь к очередной ночи.

Ещё одной в бесконечном ряду, теряющемся в тумане будущего.

САШЕНЬКА

Купалёвы въехали в новую квартиру где-то в конце февраля – начале марта.

Старый дом в историческом фонде Санкт-Петербурга: один из тех, фасады которых украшены колоннами, а трубы и проводка оставляют желать лучшего. Но Купалёвым повезло: повышение отца семейства позволило не только переехать из спального района в желанный центр, но и сделать капитальный ремонт. Пять больших комнат отстроили чуть ли не заново, оставив только на удивление хорошо сохранившиеся полы и потолки.

Купалёвы, конечно же, хотели органично вписаться в интеллигентное общество жильцов, потому заранее прошлись по всем квартирам, извинились за шум и пообещали, что никаких работ после девяти вечера вестись не будет.

Соседей оказалось немного: пожилая семейная пара, до того чинная, что академическое прошлое в них не заподозрил бы только слепой; семья почти ровесников с двумя детьми-подростками; одинокая бабушка – божий одуванчик и студент. Академики живут на первом, как и одинокая бабушка. Вот только у Купалёвых сложилось впечатление, что они даже не подозревают о существовании друг друга. Студент, бледный худощавый юноша, вечно расхаживающий в чёрном пальто с поднятым воротником, оказался настоль-

ко застенчивым, что говорил с новыми соседями через закрытую дверь, да и то отделался парой слов. Благодушное семейство занимало третий этаж целиком. Скабрихины встретили пополнение парадной радушно и позвали Купалёвых в гости: «Обязательно-обязательно, нужно же знать соседей в лицо», но точной даты не назвали, и приглашение как-то забылось.

Знакомство свели и с консьержкой Лидией Петровной. Словно Цербер, она стерегла покой дома, цепко всматриваясь в каждого, кто смел переступить порог парадной. Одинокая бабушка с первого этажа поделилась сплетнями об аристократическом происхождении консьержки: дескать, Лидия Петровна – представительница старого дворянского рода, который чудом пережил и семнадцатый, и тридцатые. Консьержка с серым, бесстрастным лицом всегда читала книгу, обложку которой скрывала за обёрткой из газеты, и была подчёркнуто вежлива и строга со всеми, включая обитателей дома. Своим поведением она сначала насмешила ремонтную бригаду, нанятую Купалёвыми, а затем испугала, появившись у входной двери ровно за пять минут до положенного тихого часа. Бригадир, грубоватый, но добрый лысый дядька, привыкший трудиться руками, хотел задобрить Лидию Степановну чаем да конфетами, но консьержка была непреклонна и продолжала кошмарить ни в чём не повинных строителей, что стоило Купалёвым пятипроцентной надбавки.

Когда последние коробки разместились в просторной гостиной, Купалёвых настигло осознание. Большая и просторная квартира с видом на Фонтанку, с фантастическими высокими потолками казалась осуществившейся мечтой. Каждому досталась своя комната: Катерине Матвеевне, живущей вместе с сыном с тех пор, как ушёл из жизни её муж, Игорю и Юле, мальчишкам – младшему Мите и старшему Сашеньке. Кое-как разложив вещи и заказав еду на дом, Купалёвы собрались в просторной гостиной: просто сидели все вместе, боясь спугнуть счастье. Казалось, что уж в этой квартире всё будет по-другому, жизнь начнётся какая-то свежая, новая и небывалая. Такая, о которой снимают кино.

Так оно, в сущности, и оказалось.

>>>

Александр Купалёв появился на свет тринадцатого февраля. Бабушка по отцовской линии, Катерина Матвеевна, узнав дату рождения внука, сразу подумала, что ребёнок будет «холодный», но мысль вслух не озвучила.

С ранних лет Сашенька, а никак иначе дома его не называли, вёл себя на удивление тихо и отстранённо. Он редко кричал будучи малышом, так что родители заподозрили у него какие-то психические проблемы. Юля долго ходила по неврологам и психиатрам, пока все ответы не сложились в успокаивающую мантру: «Всё с вашим ребёнком в поряд-

ке. Просто он вот такой у вас тихий. Считай, повезло!»

Сомнения нет-нет да задевали материнское сердце, но когда Сашенька пошёл и заговорил, когда начал читать, – много раньше сверстников – они улетучились. К тому же на подходе был ещё один ребёнок, фокус понемногу сместился в сторону младшенького, Мити, который родился с подозрением на водянку. Новый виток записей на приёмы к врачам, сидения в очередях и консультации захлестнули молодую мать. Сашенька сначала перешёл в зону компетенции отца, хоть и любящего сына безмерно, но вечно занятого и уверенного, что «всё с Сашкой хорошо», потом – бабушки. Катерина Матвеевна хорошо относилась к внуку, её нельзя было упрекнуть в недостатке заботы, но, не чувствуя от мальчика тепла, она, сама того не осознавая, относилась к нему с прохладой. Поведение Сашеньки оставалось прежним. Взрослые убеждали себя, что старший всё понимает. Но ошибались. Взрослые вообще часто ошибаются насчёт детей.

Сашенька злился.

Он наблюдал за тем, как вихрь теплоты и заботы закручивается вокруг болезненного Мити, который на поверку оказался здоровым. Сашенька видел, как маленький уродец верховодит родителями, срываясь на крик по малейшему поводу; читал в карих глазах брата насмешку над своим жалким положением. Всё-таки их связывали другие узы, нежели дитя и родителя. Четыре года разницы. Сашенька помнил то время, когда внимание взрослых было приковано к нему, и уж

он-то им не злоупотреблял. Потому Сашенька и возненавидел Митю. Он считал, что каждая улыбка, залиvistый смех, нелепые попытки младшего встать направлены только на то, чтобы отнять те крохи родительской любви, что ещё доставались старшему. Сашенька отмечал про себя, что с Митей чаще гуляют, бегут к нему чуть что, отдают всё, чего бы он не пожелал. Кроме одного.

Ещё до переезда Сашеньке начали сниться кошмары. Он просыпался среди ночи, вскакивал с постели и бежал в родительскую спальню. По пути взгляд цеплялся за тёмные углы, в которых дрожало что-то неведомое, похожее на чёрные щупальца из документального фильма про осьминогов. Сашенька точно знал, что если будет бежать быстро, они не успеют его схватить. Он забирался к родителям в кровать, а они настолько выматывались за день, что просто клали его между собой под одеяло. В этом коконе из теплоты и запахов папы и мамы Сашенька чувствовал себя в абсолютной безопасности. Обычно кошмары приходили пару раз в неделю. Старшие Купалёвы решили, что явление это временное и скоро пройдёт само. И лишних денег на детского психолога тоже пока не было.

Переезд что-то сломал в устоявшейся схеме, и неделю Сашенька спокойно ночевал в своей комнате, не тревожа домашних. Родители лелеяли надежду, что кошмары ушли навсегда, но в ночь с воскресенья на понедельник страшные сны вернулись.

– Юль, он уже взрослый. Пора бы отучить его от нашей кровати, – сказал Игорь тем же утром, когда сын покинул родительскую постель и отправился в ванную.

– Знаю. Но ему же страшно! Мне мама рассказывала, что я тоже бегала, а потом как-то всё само прошло.

– Просто нужно с ним поговорить.

– Ну и поговори!

– Ну и поговорю.

Вечером отец подозвал Сашеньку, и вдвоём они отправились в комнату мальчика.

Разговор больше напоминал монолог. Сашенька с первых же слов понял, что ничего хорошего он не услышит, – детская интуиция работает лучше взрослой. Он молчал, пока его омывал поток пустых слов: «уже взрослый», «должен подавать пример брату», «настоящие мужчины не боятся выдуманных чудищ». Подозрения закрались в детскую голову в тот момент, когда мать суетливо поцеловала его в лоб перед сном. Конечно, дело в Мите. Он как-то устроил так, чтобы Сашенька лишился последнего оплота родительской любви!

Ночью Сашенька проснулся с гулко бьющимся сердцем и смутным ощущением, что где-то рядом опасность. Он и думать забыл о разговоре, о хитром младшем брате и новеньком ночнике на прикроватной тумбочке. Юркий и незаметный, Сашенька вмиг очутился у большой кровати и хотел уже вползти ужиком между мамой и папой, как вдруг увидел курчавую голову Мити. На своём месте.

Страх мгновенно сменился пылающей ненавистью. Развернувшись, Сашенька вернулся к себе.

>>>

Страх настиг его уже в комнате. Грудь Сашеньки ходила ходуном, и он, накрывшись одеялом, представлял, как Митю утаскивает в подвал на даче огромный осьминог, как опутывает щупальцами и сжирает. Почему-то следом за младшим братом в подвал отправлялись и бабушка, и папа. Только мама оставалась наверху, в комнате, а он приходил к ней и ложился рядом.

Воздух в комнате остыл, изо рта мальчика вырвалось облачко пара, и он в недоумении замер, разглядывая окно. Оно покрылось инеем изнутри. Что-то зашуршало под кроватью. Сашенька вжался в матрас. Он знал. Чудовище. То самое, что давно охотится на него.

Сашенька не видел, как из-под кровати медленно вытекла густая чёрная жидкость. Она поглотила ковёр и разлилась по всему полу. Свесившись с кровати, можно было легко её коснуться. Жидкость не двигалась, но шорох под кроватью не утихал, сколько бы Сашенька не зажмуривал глаза.

«Нет. Нет. Пожалуйста, нет».

Почему чудовище не кошмарило Митю? Почему не хотело сожрать его? Ведь он подходил куда больше. Сашенька всегда был послушным, а младший часто капризничал

и орал во всё горло. Даже говорил родителям и бабушке «отстань!», а они всё равно его прощали. Что было бы с Сашенькой, позволь он себе такое? Его бы наказали. Но не Митю. Ему дозволено всё.

– Забери его! – выкрикнул Сашенька, не думая, что может кого-то разбудить. Но в соседней комнате чутко спала Катерина Матвеевна. Ей снилось что-то тревожное, но снов она давно уже не запоминала. Проснувшись, она тяжело села в кровати. Немного болела голова и ныли суставы, но Катерина Матвеевна так к этому привыкла, что уже и не замечала. «Переехали», – вспомнила женщина. Её разбудил крик, а это мог быть только Сашенька. Комната Мити дальше по коридору, ближе к родителям. Спросонок Катерина Матвеевна забыла тапочки и накинула халат задом наперёд.

Сашенька не заметил, как открылась дверь. Стоило ступням Катерины Матвеевны прикоснуться к матовой чёрной глади, как жидкость тут же забурлила, а под кроватью часто-часто зашуршало. Всё кончилось в одно мгновение: жижа собралась в ногах Катерины Матвеевны, она успела издать тяжёлый «ох», – как будто невзначай стукнулась локтем о дверной косяк – и вот жидкость облепила всю женщину целиком. Чёрный, глянцевый силуэт быстро оплыл. Вскоре жижа вновь растянулась по полу, растворив бабушку целиком. С едва слышным шорохом чёрная лужа поползла восвояси.

– Стой!

Сашенька свесился вниз, набрал полную грудь воздуха и заглянул под кровать. Он ожидал увидеть зубастую пасть, щупальца или хотя бы светящиеся глаза, но столкнулся с абсолютной чернотой.

– Хочешь ещё?

Лужа замедлилась. Поползла назад.

– Но мне надо выйти.

Аккуратно, чтобы ненароком не вляпаться в чёрную жидкость, Сашенька спустился и пошлёпал в сторону двери.

– Я скоро вернусь. Подожди.

Страх ушёл. Его место заняла уверенность, что он поступает правильно. Они обидели его и заслужили наказание. Бабушка никогда не играла с ним так, как с Митей, не гуляла подолгу в парке, не готовила оладушки, стоило ему только заикнуться о них. Всё, что помнил Сашенька, – молочный суп, который она заставляла его есть. Теперь уже не заставит.

А ещё можно избавиться от самой большой проблемы.

Брат дрых между родителями, стянув одеяло с отца. Внезапно Сашенька ощутил в себе такую силу, что просто стянул Митю с кровати, взял на руки и вынес в коридор.

– Отстань... – вяло сопротивлялся младший, но Сашенька держал крепко. Он и не заметил, как одолел путь до своей комнаты с Митей на руках. Толкнув дверь ногой, Сашенька размахнулся и неуклюже забросил младшего брата внутрь.

Жидкости как будто стало больше, но двигалась она медленнее. От удара Митя проснулся, широко открыл глаза

и, увидев подползающее к нему пятно, отшатнулся назад, на корточках пополз к выходу. Старший брат встретил его пинком. Удар вышел жёсткий, взрослый. Митя упал набок, перевернулся на спину. Пальцы левой руки угодили в чёрную жидкость, и она тут же обволокла руку мальчика до локтя. Сашенька стоял над братом и смотрел, как пятно поглощает его; смотрел в округлившиеся от ужаса глаза и улыбался. Растворение заняло от силы минуты три, но Сашеньке показалось, что прошло несколько часов. Он представил, как пойдёт сейчас в кровать к родителям, ляжет между ними и крепко заснёт...

Но оставался ещё отец.

– Папа! – закричал Сашенька. – Папа!

Лужа замерла у кровати.

Сашенька спрятался за открытой дверью и позвал ещё раз. И ещё. Отец тяжело протопал по коридору, зашёл в комнату сына. Сашенька даже не смотрел внутрь, только дождался сдавленного «ох» и тихонько закрыл дверь.

Можно идти спать.

>>>

Лёжа у матери под боком, слушая её ровное глубокое дыхание, Сашенька никак не мог заснуть.

Теперь-то его жизнь будет такой, как прежде. Мама вновь будет заботиться о нём одном, может быть, даже больше,

ведь теперь её не будут отвлекать бабушка и папа, совсем-совсем не нужные, и Митька – капризный хитрый уродец. Теперь мама будет только его и ничья больше!

Так думал он, медленно погружаясь в дрему. В это же время тёмная жидкость медленно стекала вниз сквозь перекрытия, оставляя после себя слабый запах то ли влажной пыли, то ли штукатурки. Двигалась она тяжело, муторно перебарывая трёх людей. Ей бы хватило и мальчишки со старухой, но неугомонный Сашенька угостил её ещё и отцом, а от таких предложений не отказываются. Не там, откуда родом это существо.

«Удивительно, конечно, что монстрами называют нас», – думало создание, заторможенно расплываясь по пустующим квартирам пятого этажа. Можно впадать в спячку.

Лидия Степановна, неизменно блюдущая спокойствие парадной на своём посту, резко дёрнулась, прислушалась и поджала губы.

ЛУЧШИЙ РАБОТНИК

Кто-то обмолвился, что знает Гринжа. Я спешно собираюсь и выхожу из салуна вон.

Городок Мордпридж на самом берегу моря Песков – запылённая улица со скопищем домишек – единственное обитаемое место на сотни километров вокруг. Если от Мордприджа двинуть на Запад, то через восемь суток окажешься в Когуолле, где и еда посолидней, и публика не чурается умывальника и мыла. Восемь суток – это пешком. На сухопутном корабле или хлипкой лодчонке в дороге застанешь всего два заката и три рассвета.

Перебежав улицу, я влетаю в первый попавшийся дом – пустой, как того и следовало ожидать. В Почтенный день жители Мордприджа вместо того, чтобы отправиться на кладбище и повспоминать умерших родственников, уходят в пустыню, разбивают там большой лагерь и проводят в песках двое суток. Что они там делают, мне неизвестно. И я бы ни за какие коврижки не полез это выяснять. Мордпридж – обитель стариков и неудачников, полумёртвых калек и детей, которые не умеют говорить, преступников и головорезов, которым больше негде скрыться. Так что какие бы ритуалы они ни проводили в пустыне, ничего хорошего там точно не происходит.

Занавески на окнах и относительная чистота рассказыва-

ют мне, что этим домом владеет женщина. Обстановка бедная. Единственная дорогая штука в Мордпридже – бутылка двадцатилетнего «О’Генри», каких на Большой земле днём с огнём не сыщешь. Бармен украдкой показал мне её и заломил такую цену, что я решил довольствоваться тем же пойлом, которым накачивают себя местные.

Интересно, мог ли Мордпридж вырасти вокруг этой бутылки?

Прятаться в единственной комнате на втором этаже негде. На выбор высокий шкаф из разошедшегося дуба и приступка прямо за дверь, встав на которую и втянув живот, можно встретить врага пульей в затылок.

Опыт подсказывает попытать удачу с засадой. Потому что любой идиот проверит шкаф, но далеко не каждый заглянет за дверь. По крайней мере сразу.

Тишина заползает в уши и тянет за ниточки в голове. Мне чудятся шорохи, тихие шепотки потирающих лапки чертей. Паранойя и безумие. И одно, и другое в Мордпридже встречается с завидной регулярностью.

«..ий Гринж...» – вспоминаю я хриплый, будто царапающий по камню наждаком, голос. Такой же был у мистера Тилли, которого на моих глазах пристрелил какой-то молодой лихой сорвиголова. Прожил он ненамного дольше старика. Покончив с могилой для Тилли, я собрал свои вещички и был таков. Но беда последовала за мной.

Грохочет дверь соседнего дома. Значит, убийца – не вы-

думка моей заскучавшей башки. Инстинкты не подводят.

Этот тупица, судя по всему, и не заметил, что городишко пуст, и каждый его шаг прекрасно слышен. За кого он меня принимает? За опустившегося сбрендившего вдоводела?! Думает, услышав собственное имя, я покорно сдамся на ручки? Может, ещё и сам себе в висок выстрелю?! Чёртов ублюдок! Иди сюда! Постой-ка, Гринж, а чего ты тогда прячешься?

БОИШЬСЯ?!

Вовсе нет. Просто не хочу, чтобы местные проведали, что среди них расхаживает настоящий стрелок. Проблем не оберёшься. Особенно, если они узнают, на кого я работал.

Под грохот и ругань из соседнего дома я тихонько взвожу курок. Убийца явно не семи пядей во лбу, иначе не глушил бы сам себя. От хищного щелчка револьверного бойка по моим рукам и спине бегут мурашки.

Тяжёлые шаги внизу. Бегемоты – и те топчут тише. Отчётливо звякают шпоры.

Говорю же, идиот.

Незнакомец что-то бормочет, харкает на пол. Не только дубина, но ещё и свинья. Ненавижу неотёсанных деревенщин. Намечается драчка. Обычно я их избегаю, но когда незнакомец справляется о тебе у бармена в захолустном городке, ты не строишь из себя леди, а защищаешься. Тем более, мне не впервой убивать.

Шаги всё ближе. Скрипят дверные петли. Створка чуть

не заезжает мне по носу, но в последний момент я мягко придерживаю её. Убийца этого не замечает и входит прямо в капкан.

Боже, какой он огромный! Под два, может быть, даже больше, метра ростом, в куртке, подбитой медвежьей шерстью, и широкой шляпе с длинными полями. В его сапогах можно воду лошадям носить или тушить горящий дом. Настоящий пещерный тролль. О них мне матушка в детстве рассказывала сказки. И как я не заметил его в салуне?

Он долго стоит на месте, разглядывая пустую комнату. Я мог бы уже застрелить его, но мне хочется посмотреть ему в лицо. Наконец какая-то мысль посещает громадную башку, он вертит ею из стороны в сторону и направляется к шкафу. Вместо того, чтобы открыть одну створку и спрятаться сбоку или просто выстрелить несколько раз внутрь для острастки, убийца крикает и опрокидывает шкаф на пол дверцами вниз. Встав на заднюю стенку, жалобно скрипнувшую под ним, он стучит по ней каблуком. Харя у него уродливее некуда: косматая грязная борода до самых глаз, здоровенный, ломаный не раз нос и крошечные, глупые глазки.

«Тупица», – думаю я, стреляя ему в голову. Грохот оглушает. Отвык, отвык я от своего ремесла. Кровь, ошмётки мозга и осколки костей украшают стену за спиной детины. Такой себе натюрморт. Туша падает, произведя едва ли не больше шума, чем шкаф до этого. Хорошо, что падает он на спину. Сам я его ни в жизнь не переверну.

Шарю по карманам. Потому что поиздержался, и потому что мне интересно, что привело тупицу в Мордпридж. Понятно, что я. Но кто его сюда направил? Сам бы он меня точно не выследил. В левом верхнем кармане пальто пальцы наткаются на плотный конверт. Доставая его, задеваю рукоять огромного ножа. В моей руке он смотрится как короткий меч. Присвистнув, отбрасываю клинок в сторону. В поисках денег заглядываю даже в громадные сапоги. Опрометчиво. Стоит их стянуть, и комнату затапливает такой смрад, что мне приходится ретироваться на улицу. Боже. Да этим запахом можно травить людей и животных! М-да, дерьмовый сюрприз я оставил какой-то бедной даме. Но что поделаться? Это же Мордпридж.

Выбравшись на улицу, я убираю револьвер в кобуру и прогулочным шагом возвращаюсь обратно в салун.

– Мистер Лидс, вы такое пропустили!

– Ох, Гарри, думаю, чистые портки стоили диковины. А что было-то?

– Детина заходил, ну вылитый тролль! Спрашивал какого-то Гринжа. Я ему сказал, что таких не знаю, – рассказывает бармен, – а он мне: «Если найду его в вашем городишке, то убью сначала его, а потом тебя».

– М-да, тот ещё джентльмен.

Киваю и приподнимаю брови, намекая на стаканчик виски. Гарри тут же наклоняется за бутылкой.

– Будем надеяться, что никакого Гринжа в Мордпридже

нет. А то как же мы без тебя, Гарри?

Несколько мрачных мужчин с испытанными лицами усмеваются и продолжают играть в кости. Я беру виски, отхожу к столику в глубине заведения, скрытому от посторонних глаз, и достаю конверт. Внутри написанное знакомой рукой письмецо и моя фотография. Плохонькая, но узнать можно. Мне не нужно читать ни слова. Я знаю, что там написано. Заказ. От самого злобного сукина сына в окрестных землях, а может, и во всём мире.

«Что ж, Консул, значит, охота, да?»

Не раскрывая письма, я рву его на мелкие кусочки, складываю труху в конверт вместе с фотографией и той же ночью сжигаю на подворье, пока Гарри седлает моего коня. Предстоит долгий путь.

>>>

Многие злодеи, на мой взгляд, попросту не готовы к тому, что кто-то их обскочит. А ведь это ремесло предполагает постоянную конкуренцию. Возьмём, к примеру, меня.

Эдвин Гринж, тридцати двух лет от роду. Высок, статен, благороден лицом и скор на расправу. Одеваюсь не броско, но аккуратно и терпеть не могу расхлябанности во внешнем виде. Родился и вырос на Восточном побережье, обучался в колледже при Военно-морской Академии, должен был стать морским офицером, но судьба распорядилась иначе.

Шестнадцать лет – опасный возраст. Меня настигла статья из газеты, в которой рассказывали о Клэнишере, городке старателей в штате Дихайо. Его называли «столицей золота» и «северным Эльдorado». Драгоценный металл воззвал ко мне, а я и не сопротивлялся. Сборы вышли долгими и тщательными, хотя кроме отцовского коня и пары револьверов я прихватил только небольшой мешок: нож, фляга для воды, пара верёвок, патроны, немного пороха, спички, смена белья. Выехав из города под покровом темноты, я преодолел с десяток километров под звёздами, а заснул под красивейший рассвет вблизи каньона Монахильо.

Мне казалось, что само путешествие напитывает мой желудок. Вторые сутки дороги всё расставили по своим местам. Внутренности горели. Каждый шаг коня отдавался болью. Мальчишка: мне хватило ума подумать о воде, но я не взял ни котелок, ни одеяло, ни запас хоть какой-то снеди. Форменный идиот! Думал, буду охотиться и стрелять дичь в лесах, хотя никогда этого раньше не делал. До Луишвилля – ближайшего города – оставалось ещё два дня пути. Выбившись из сил, я устроился на стоянку у ручья и чуть было не околел до смерти. Разбудила меня странная парочка.

Они поили коней и смывали с рук и лиц запёкшуюся грязь. Меня охватил восторг. Никогда прежде не думал, что встреча с людьми в глуши может так поднять настроение. Кое-как встав, я направился к ним и загодя поднял руки, чтобы не спугнуть «уважаемых ковбоев». Парочка оказалась

наёмниками Консула, жестокого и властного сукина сына. Звали их Питер Мур и Габриэль де Марро, и были они настолько отъявленными негодьями, какие вам даже не снились. В своём деле они ничего не стеснялись. От их рук гибли и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Даже домашний скот. Так что, пускай я того не знал, но жизнь моя оказалась на кону в игре с непонятными правилами.

Не знаю, чем им понравился: тем ли, что держался смело, или тем, что нагло попросил у них помощи. Знакомство состоялось, я его пережил. Мур и де Марро разделили со мной пищу и отказались от платы. Дескать: «Плохая примета – брать деньги с умирающего с голоду посреди чащи». Интересные они люди.

Луишвилль встретил меня провинциальной улочкой, парой магазинчиков, одним салуном и даже рестораном, управлял которым сморщенный старичок с французскими усиками. Ему не доставало акцента, но стряпня была высший класс. Я решил подзадержаться в городке и там во второй раз встретился с Муром и де Марро. Они убивали какого-то проходимца, задолжавшего Консулу денег. В те дни я уже был смышлёным парнем и в драки зазря не лез. Впрочем, у должника оказалась симпатичная дочка, с которой я быстро свёл близкое знакомство. Не защитит даму в беде – всё равно, что выстрелить в собственный... кхм, в собственное сердце.

Перестрелка вышла жаркой и жадной до крови. Муру я

отстрелил мизинец на правой руке, в ответ он всадил пулю мне в плечо, отчего оно до сих пор ноет в дождь и поскрипывает. Де Марро я подарил шрам во всё лицо через обе щеки и нос, а он мне – порванное правое ухо, из-за которого я вынужден носить длинные волосы.

Дальнейшая судьба моя – больше сказка, нежели правда. К тому же впереди уже маячат огни Когуолла. Сверну-ка я свой рассказ, пока окончательно вам не наскучил.

>>>

Есть в Когуолле традиция: путника, пришедшего с воды, угощают рыбой, а того, кто пришлёпал по земле, – мясом. Изучая меню, я понимаю, что пеших здесь не ждут. Ненавижу рыбу.

– Уважаемый, – обращаюсь я к официанту, – а есть ли у вас что-нибудь из старого доброго мяса?

– Сэр, а чем плоха рыба?

– Терпеть её не могу. Ни в каком виде.

– Сегодня четверг... Но я спрошу на кухне.

Паренёк в чистой, но изрядно потасканной временем рубашке исчезает за кухонными дверьми. Остаётся сидеть и ждать. Пустыня выела из меня всю воду, так что первым делом в Когуолле я осушил четыре больших графина воды, заказал пятый и цежу его медленно, перекачивая воду на языке. Нет ничего лучше, чем напиться воды после того, как гу-

бы потрескаются, а небо высохнет настолько, что начнёт царапать язык.

Кантина оказывается крохотной: зал дай бог на двадцать человек. Три длинных общих стола, барная стойка с неприятным выбором напитков, меню на меловой доске. Написано округлым женским почерком. Я представляю себе дородную стряпуху: в этих краях их днём с огнём не сыщешь, они всё больше предпочитают южное побережье. Такие женщины умеют вкладывать в свою еду не только ингредиенты, но душу. А уж вкусно поесть я не дурак.

– Сэр, есть вчерашнее рагу.

– Из чего?

– Свинина.

– Что-то не видел я тут у вас свиней.

Паренёк заливается краской.

– Ты что, чучело, думаешь, я свинину от угря не отличу?

– Сэр, что вы..!

– Я, кажется, понятно объяснил, – говорю я, как бы невзначай убирая полы плаща в сторону и оголяя рукоять револьвер, – что ненавижу рыбу, а вместе с ней и всех морских обитателей, включая крабов, креветок, угрей, осьминогов, лангустов, мидий, устриц и вообще всех, кто обитает под толщей пресной или солёной воды!

Официант белеет и исходит потом. Теперь он либо принесёт то, что хочу я, либо...

– Эй! Ты чего Джерри пугаешь?!

Не знаю, какой инстинкт во мне срабатывает, но вместо того, чтобы обернуться на грубый окрик, я кубарем скатываюсь со стула и прячусь за массивной ножкой стола. Выстрел, больше похожий на раскат грома, превращает стул в щепки. Я прикрываю глаза рукой. Джерри голосит, как шальная девка, и уносится в кухню. Убийца стреляет в ножку стола, но та оказывается крепче стула.

«Да из чего он палит?!» – думаю я, контуженно встряхивая головой.

– Выходи, Гринж!

«Да что же вам всем так неймётся?!»

– Давай лучше ты сюда, приятель!

Полы – слабое место нашей страны. Особенно в таком климате. Доски рассыхаются меньше, чем за год, и без скрипа по ним уже не походишь. Уж поверьте наёмному убийце.

Бегущий на меня стрелок либо идиот, либо отчаянный храбрец. Оба варианта так себе. Он вскакивает на стол. Хочет перегнуться вниз и всадить в меня дробь. Вот только я уже под столом, оба револьвера в руках. Предупреждаю поганца, что я вооружён, а моя репутация – не бабкина брехня. Вот незадачливый авантюрист и попал в ловушку. Попытается спуститься – откусает свинца. С другой стороны, и мне не вылезти. Скрип выдаст меня с головой.

– Эй!

– Чего?

– Тебя хоть как звать-то?!

– Пошёл в жопу, Гринж.

– О, интересное имя, Пошёл-в-Жопу. Откуда ты?

Больше убийца мне не отвечает. Наверное, настроение пропало.

– Сколько Консул даёт за мою голову?

Молчок. Надо же, двое бугаев в двух разных городах пытаются отправить меня на свидание со Всевышним или рандеву с Чёртом, но не рассказывают, ради чего так надрываются. Ладно, у первого я и не спрашивал.

С каждой секундой ожидания незадачливый убийца приближается к своей глупой смерти. Ведь все знают, что Гринжа в одиночку не взять. Максимум – сдохнуть с ним за компанию. Но не взять.

«Интересно, Пошёл-в-Жопу об этом вообще знает?»

Проходит минут пять. Десять. На полу удобно, хотя я и предпочитаю пуховые матрасы. Но в дороге чего только не случится. Тем более – на работе.

– Эй! Эй!

– Да чего тебе?!

– Давай слезай уже, и покончим с этим. Ты попробовал, не получилось. Расскажешь на небесах, что чуть было не убил самого Гринжа! Из всех претендентов ты... ну, месте на пятом. Для такого дуболома – неплохо!

– Заткнись!

– Так я ж со всей душой, приятель.

Горький запах дыма щекочет ноздри.

– Ты там что, куришь, что ли?!

– Не твоё собачье дело!

– Ты пришёл убивать самого Гринжа! Так что это моё собачье дело!

– Ну, курю! И что с того?!

– Сволочь! А ну угости меня!

– Ага, чтобы ты меня прикончил?

– Не стану я тебя убивать.

– Мне тебе на слово, что ли, верить?

Боже, какой идиот.

– Да!

– Держи карман...

– Всё равно у тебя никаких шансов. Рано или поздно ты уснёшь, и я тебя грохну, только в этом случае мы оба потратим дохрена моего драгоценного времени. Вместо этого можем покурить как два старых приятеля и обсудить ситуацию. Может, даже замнём.

Он молчит так долго, что я начинаю скучать и подумываю поколотить каблуками в столешницу.

– Ладно.

– Что?

– Я верю тебе.

– Вот и славно. Давай, спускайся.

– Нет. Ты первый.

– Тогда выбрось подальше винтовку, из которой разнёс в щепки прекрасный стул.

– Я поставлю её.

– Дулом вверх.

– Хорошо, дулом вверх. А ты выбрось револьвер.

Огромный приклад, спусковой крючок, что твой полумесяц. До сих пор не знаю, что это было за чудовище. Хмыкнув, отправляю покататься по доскам своего верного друга.

Ладно, условия он выполнил. Конечно, всегда есть опасность, что у противника окажется пистолет, или, скажем, нож, но на то она и жизнь, чтобы рисковать. Выдохнув, я резко перекатываюсь и вскакиваю. Вместо того, чтобы хвататься за винтовку, мой убийца вскидывает руки. В его зубах курится хорошая, плотная самокрутка. Улыбнувшись, я выхватываю второй револьвер и стреляю ему в лицо. Ненавижу самоуверенных дилетантов.

– Эй! – Я подхожу к кухне и стучу в дверь. – Разборки окончены. Тащите своё рагу, да побольше хлеба и эля.

Стресс я умею только заедать. Или запивать, но свежая голова мне ещё понадобится.

Итак, Консул устроил на меня охоту. Дурачок в Мордпридже мог быть приглашением, попыткой заново вернуть меня на службу. Но этот дуболом... Точно охота. За какие-такие грехи Консул решил меня наказать, один Бог знает. Вот только теперь изрядная часть душегубов нашей великой страны не даст мне покоя. А это не дело.

Взяв другой стул, я сажусь обратно за свой стол и, дожидаясь еды, прикидываю, как бы мне побыстрее добраться

до Дерриджа.

>>>

За неполный месяц на пути от Когуюлла до Дерриджа мне приходится убить пятнадцать человек и трёх цепных псов. Обычно собак я не стреляю, но когда на тебя несутся здоровенные клыкастые мастифы, выбора особо и нет.

Кинклейдж, известный как Псарь, тот ещё урод. Живёт в горах, покупает щенков, превращает их в машины для убийства и отправляется на «промысел», как он это называет. На деле – банальная охота на людей. До того, как наняться к Консулу, он работал на контрабандистов, грабителей банков, законников, нечистых на руку владельцев шахт или обогатённых шахтёров – в общем, тех, кто больше заплатит.

Я сталкиваюсь с ним на горном перевале, среди утопленных в снегу сосен, яркого голубого неба и ослепительного солнца. Он чуть не заканчивает нашу беседу одним метким выстрелом, но мне в очередной раз везёт. Одна из его шавок вцепилась мне в ногу, каким-то чудом не прокусив голенище сапога, и я упал за мгновение до того, как пуля подарила мне свинцовый поцелуй. Псарь, помимо прочего, ещё и меткий стрелок, так что шрамов на мне прибавилось. А вот он убавился. До нуля.

Личи Таракашка, быстрый и юркий мексиканец, подждал меня в Созоне, городке лесорубов. Чувствовал я себя

неважно, на предыдущей стоянке пришлось сражаться с Индейцем, и пару раз он-таки сильно меня достал. Болело ребро – я подозревал трещину, болело плечо, перевязанное намочшим от крови платком, болела задница от долгой дороги. Первым делом я наведалься к местному доктору. Тот крепко перевязал меня и выписал морфия, предупредив, чтобы я не налегал на обезболивающее.

– Не дурак, док, – уверил я его, а сам тем временем выпил добрую четверть бутылка, едва выйдя за дверь. Быстро накатило, убаюкало. Словно в тумане я добрался до салуна, занял столик в углу, подальше от окон и входа, заказал бифштекс с кровью и кофе. Хозяйка, обслуживающая клиентов сама, предложила стаканчик виски, но я отказался. Мешать алкоголь и лекарства опасно. А на меня и так объявлена охота.

С трапезой я покончил быстро, расплатился по счёту и вышел на улицу подышать остывающим вечерним воздухом. Выкурить самокрутку-другую. Присел на лавочку тут же, на крыльце, достал табак и бумагу. Вдруг ко мне подсел Ли-чи.

– Ну привет, старый друг, – сказал он с широкой улыбкой. Усы и тёмно-медная кожа висели в воздухе. Я отмахнулся от них, как от галлюцинации.

– Привет-привет. Дай покурю спокойно.

– Кури.

Не торопясь, со знанием дела, я достал папиросную бума-

гу, оторвал кусочек, взял щёпоть табаку и размял в пальцах, чтобы он наполнился воздухом.

– Ты будешь?

– Нет, спасибо. Завязал.

Я никак не мог поверить, что Личи здесь. Обычно он работает на Востоке, ближе к границе. Дела Консула он разрешает переговорами. Если доходит до револьверов, то палит Личи настолько быстро, что больше походит на пулемёт, чем на стрелка. Меткость у него хромает, но с такой скоростью меткость и не нужна.

– А помнишь, как мы уделали того пастора, как же его... – начал было я.

– Гроушмана?

– Не, то был офицер из наших, задолжавший Консулу. Как же его...

– Лазетти?

– Нет, это итальяшка из Керри-Йорка.

– О'Финниган?

– Точно! О, мать его, Финниган. Вот это был засранец, конечно, так людям мозги промыть, чтобы они с голыми руками на нас бросились.

– Да, было время, Гринж.

– Точно, Личи. Слушай, а сколько Консул даёт за мою голову?

Мексиканец покачал головой и выдал одну из своих фирменных грустных улыбок. Понятно. Он мне тоже не ска-

жет. Тогда я подумал: «А ведь сейчас всё может закончиться». Под «всем» я подразумевал свою жизнь, конечно же. Прохладный ветерок гладил наши суровые лица, как ласковая женщина. Жители разбрелись кто куда, заметив подзрительную парочку. Может, они нас и не узнали. Как любые травоядные, они остро чувствовали хищников, а стрелки, как ни крути, – одни из самых опасных хищников в этих местах.

Личи был очень быстр. Как молния. Мне доводилось видеть пулемёт Гатлинга в действии: там никто особо не смотрит в прицел, просто направляет ствол в нужную сторону. Потому что это оружие, которое убивает само по себе, только ручку крути. Револьвер, а уж тем более нож – удел современных рыцарей, а не трусов. Таракашка всё-таки был трусом. Может, потому ему и не повезло.

Здорово быть профессионалом: знаешь, что в любом случае поймашь пулю, и можешь выбрать – брюхо, бедро, плечо, задница. Стычка с Индейцем порядком меня потрепала, но не настолько, чтобы я не смог придавить Личи собственным весом. А ещё во мне плескался морфий. Я докуривал самокрутку, когда сказал:

– Личи, всё ж ты тот ещё хрен моржовый.

И разразился хохотом. Кололо бедро, да и плечо оставляло желать лучшего, но мне понравилось, как прозвучали эти слова. Будто их сказал Суровый Билл или Кондор Джек. Настоящий законник, шериф, опасный мужик, с которым луч-

ше не связываться. Таракашка пару секунд пристально вглядывался в моё хохочущее лицо, потом рассмеялся следом. Закатился, что твой индюк. Тут-то я и начал.

Первым делом бросил ему в лицо окурок, потому что люди всегда закрывают глаза, когда им что-то быстро летит в харю. Это инстинкт, и он чхать хотел на то, что тебе грозит другая опасность. Примитивные штуки – палка о двух концах. Жаль, что к лицу Таракашка поднял левую руку, а не правую, но мне хватило времени извернуться и схватить его ствол рукой. Рывок. Грохнул выстрел, но я не почувствовал резкой боли и мысленно перекрестился. Личи в силе со мной не тягаться, потому он бросил оружие, упал на землю и покатился в сторону. Вторым пунктом в моём плане значилось прихлопнуть Таракашку. Я заторможенно выхватил свой револьвер и сделал пару выстрелов, одновременно прячась за углом. Переведя дух, я быстро выглянул. Личи пропал. Жаль.

«Надо кончать его быстрее. Надолго меня не хватит», – подумал я. Мысль эта пришла со стороны, будто и не в моей голове родилась. Нехороший признак. Выдохнув, я выглянул снова, и в этот раз пуля чиркнула по дереву пальца на четыре выше моей шляпы. Сразу за ней ещё три: две просвистели мимо, одна глубоко вошла в стену. У меня был всего один выстрел. И нет права на ошибку: серьёзное ранение задержит меня в Созоне надолго, а значит, Консул успеет прислать новых головорезов.

Лёгкий скрип, будто собака по веранде прошмыгнула. Хех, Личи не поумнел ни на йоту за все эти годы.

Онемение неожиданно разлилось по левой руке. Я глянул вниз и обомлел: половина левой штанины потемнела от крови. Вот те раз. Откинув плащ, я заметил и рану, и хлещущую кровь. Без доктора точно помру.

– Личи!

– Что?

– Давай ты просто сдохнешь?

– Пошёл к чёрту!

Судя по звуку, он прятался за лавкой совсем недалеко. Позиция выгодная. А моя – полное дерьмо.

«И что? Будем ждать, когда вся требуха выйдет?»

Я оглянулся. Ещё одна лавка, сверху на ней ведро. Дело нехитрое: схватил, бросил.

Непривыкший к стычкам Личи выстрелил четыре раза, прежде чем догадался, что его провели как младенца. Я нажал на спусковой крючок. Личи пригнулся. По крайней мере – попытался. Пуля сняла ему скальп, оголив часть мозга. Таракашка замер, как будто не мог поверить в произошедшее. Грустно ему улыбнувшись, я выстрелил второй раз.

Не помню, как ввалился к доктору и что ему сказал, но наутро я проснулся, а док, мистер Питер Сэнт-Ром, позволил мне погостить у него с недельку, чтобы встать на ноги. Он оказался настоящим интеллектуалом, так что мы развлекали друг друга беседами. Самое примечательное – денег за по-

стой он с меня не взял, так что я спрятал несколько крупных монет в его чашке для кофе, когда уезжал.

>>>

На подъездах к Дерриджу я ожидал встретить целую армию. Вырытые рвы, пушки и пулемёты, отряд кавалерии при параде, изголодавшееся племя каннибалов, которому Консул пообещал мой вкусный трупик на ужин, пару демонов Нижнего Круга, с которыми мой бывший работодатель свёл близкое знакомство.

Накануне я спал аки младенец и, въезжая в предместья Дерриджа, чувствовал себя бодрым и сильным.

К моему сожалению и даже обиде, никаких встречающих не оказалось. Логово Консула впустило меня беспрепятственно, словно охочая девка. Слишком подозрительно, чтобы лезть по главной дороге, потому я пустился в объезд. И до «Кувшина» ближе, и мест, чтобы спрятаться, больше. Если повезёт, смогу отдать лошадь на конюшню и смочить горло перед заварушкой.

Особняк Консула называют «домом Дервиша». Это второе по внушительности здание в Дерридже, не считая церковь, которую отстроили по приказу и на деньги Консула. Архитекторы с Севера, лучшие материалы, куча работников. Возводили её, дай Бог, лет десять, и издавека она великолепна, но вблизи начинаешь ёжиться от холода, который серый

камень источает даже в знойный день! Мне доводилось бывать во многих церквях, соборах и храмах, и точно вам говорю, под сводами церкви Святого Иеремии ангелы не жили и секунды. И вряд ли когда-нибудь захотят там поселиться.

– Хо-хо, как-никак старина Гринж! Давненько ты к нам не заглядывал.

– Лесли.

Быстро приближающийся всадник когда-то был моим напарником и другом. Здоровяк северной крови с квадратной мордой и непривычными для этих мест пшеничными волосами. Кому-то может показаться, что он добряк: густая бородаща, открытое лицо. Но мне не доводилось видеть людей более жестоких, чем Лесли Кортко. Он всегда возит с собой набор ножей, большой топор, хирургическую пилу, с десятков стальных крючков и крепкие, сплетённые им самим верёвки. Не раз я видел его за работой и уж точно не хотел бы оказаться на месте тех несчастных, кто на собственной шкуре испытал мастерство Кортко.

Лесли подъезжает ко мне близко, но не настолько, чтобы я мог его в чём-то заподозрить.

– Ехал бы ты отсюда, – говорит он сквозь зубы и сплёвывает густую, бордовую слюну.

– Сколько Консул даёт за мою голову?

– Что?

– Сколько. Консул. Даёт. За. Мою. Голову?

Бывший напарник пожимает плечами. Что, сумма на-

столько огромна, что все боятся произнести её вслух, чтобы не спугнуть? Такое случается с удачей, большой суммой денег или именем особенно хорошенькой девушки, на которую ты положил глаз, – молчи, и тогда всё получится. В эту дребедень верят многие.

– Будем драться?

– А ты хочешь?

Лесли хрустит шеей и плечами.

– Да не особо.

– Я тоже.

– Тогда давай по-быстрому.

Он рвётся вперёд, в руке блестит громадный нож. В ближнем бою мне его не одолеть, потому я спрыгиваю с лошади так, чтобы между мной и им встал бок животного. Уж её-то этот урод не тронет?

Кровь хлещет из рассечённого бока, моя верная подруга падает на землю и бьёт копытами.

Всё.

Прощай.

«Вот же паскуда».

Лесли уже разворачивается и прыгает на меня. Доморощенный рыцарь желает биться на железе в мире поющего смерть свинца! Выхватив револьвер, я делаю три метких выстрела. Ни один не достигает цели. Двигается северянин не столько быстро, сколько умело. Лишь одна пуля чиркает его по руке, но он этого даже не замечает. Мне приходится

ретиrowаться, чтобы не стать жертвой залитого кровью лезвия.

Кровью моей лошади!

– Сволочь!

Мы пляшем, как разгорячённые влюблённые. Мне не хватает времени прицелиться как следует, ему не удаётся подобраться ко мне достаточно близко. В ход идут метательные ножи. Моя свежая серая рубашка расцветает алыми полосами. Царапины. Пустеет барабан револьвера, и доморощенный викинг думает, что это его шанс. Глаза Лесли горят безумным огнём, из глотки рвётся вопль берсерка. Слишком рано, друг мой. Лесли врезается в меня, так что на миг темнеет в глазах, мы падаем на землю. Одним револьвером я перехватываю лезвие ножа и клиню его так, чтобы оно лишь слегка царапало кожу над сердцем. Ствол второго револьвера вжимается в кадык мужчины. Он дёргается, мозг успевает догадаться, что загнал тело в ловушку. Выстрел оглушает.

Чуть придя в себя, я встаю и отряхиваю плащ. Лесли, словно дикое животное, ещё борется в пыли, сражается с самым главным противником в своей жизни – смертью – и терпит неминуемое поражение. Мне нет дела до его предсмертного хрипа. Перезарядив револьверы, я захожу в Дерридж на своих двоих.

>>>

«Дом Дервиша» полыхает дьявольским пламенем. Им не стоило тащить порох внутрь. Видимо, дела у Консула идут так себе, если он нанимает проходимцев, ни черта не смыслящих в безопасности. Продолжи работать на старика Лукаш, Кингсли, Баттерфилд, я бы и на пятьдесят метров к особняку не подошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.